
Е.А. Мельникова

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА:
ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ¹**

В эпоху перерастания сложных вождеств в ранние государства в восточнославянских и скандинавских обществах производящее хозяйство не обеспечивало достаточного прибавочного продукта для интенсивного протекания и тем более завершения процессов государствообразования. Важнейшими экономическими факторами, стимулировавшими социально-политическое развитие, были военная деятельность и дальняя торговля, игравшие в разных регионах и на разных этапах перехода к раннему государству различную роль (для Скандинавии дальняя торговля имела особое значение в эпоху бронзы и раннего железного века, постепенно уступая первое место грабительским набегам). Как первая, так и вторая были прерогативами элиты, в результате чего приносимые ими доходы перераспределялись исключительно внутри верхушки общества, не затрагивая или затрагивая в незначительной степени массу населения и образуя элитарную по своей сущности экономику. Ее связь с производящей экономикой осуществлялась, во-первых, благодаря наследственным земельным владениям представителей элиты (в Скандинавии), во-вторых, через систему даней, собираемых для обеспечения повседневных потребностей элиты (и в Скандинавии, и на Руси). При этом в Скандинавских странах правящая элита была органически связана с местным населением, а профессиональный военный слой постоянно пополнялся выходцами из среды состоятельных землевладельцев (бондов), что создавало взаимопроницаемость двух систем экономики. На Руси же военная элита скандинавского происхождения была изначально обособлена от местного населения, не имела исконных земельных владений, и ее экономическое обеспечение полностью зависело от степени контроля над торговыми путями и местным населением, от размера подвластной территории, успеха военных походов, т.е. от интенсивности и успешности военной деятельности. На протяжении второй половины X–XI в. происходит сближение обеих экономических систем: экономическое обеспечение элит на Руси и в Дании (уже в начале XI в.), позднее в Норвегии и Швеции (к XII в.) начинает осуществляться за счет внутренних резервов через формирующиеся систему податей и фискальный аппарат.

¹ Статья написана в рамках работы над проектом № 15-01-00311, поддержанным РФНФ.

Слияние обеих экономических систем было одним из признаков формирования раннего государства.

Ключевые слова: военная и торговая экономика, субстантивистская экономика, землевладение, дань, военная экспансия, дальняя торговля.

В экономической антропологии, предметом которой является экономика ранних обществ от первобытных («примитивных») до раннегосударственных и основы которой были заложены Б. Малиновским и К. Поланьи еще в первой половине – середине XX в.², в 1960–1970-е гг. выделились два основных теоретико-методологических направления: формальное и субстантивистское³. Представители первого (С. Кук, Р. Фёрс, М. Херсковиц и др.) считали возможным распространение основных положений политэкономии индустриальных обществ на экономику ранних обществ, рассматривая ее также в категориях рыночно-денежных отношений. Субстантивисты (К. Поланьи, М. Салинз, Дж. Далтон и др.) настаивали на неприменимости экономических теорий, разработанных на материале и для описания современной экономики, в изучении догосударственных систем. В трудах К. Поланьи было обосновано коренное, качественное отличие первобытной экономики от капиталистической – неотделимость экономических отношений от социальных, более того, зависимость первых от вторых: экономика в ранних обществах не образует отдельной области, а «погружена», «встроена» в само общество, и потому экономические отношения должны рассматриваться как социо-экономические⁴. основополагающими для экономики ранних обществ были признаны принципы реципрокности (взаимо-

² *Malinowski B.* Primitive Economics of Trobriand Islanders // *Economic Journal*. 1921. Vol. 31. № 1; *Polanyi K.* The Great Transformation. Boston, 1944; *Idem.* Primitive, Archaic, and Modern Economies / Ed. by G. Dalton. N.Y., 1968; *Dalton G.* Economic Theory and Primitive Society // *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63. P. 1–25.

³ *Семенов Ю.И.* Экономическая антропология // *Восток*. 2004. Вып. 9 (21). Сентябрь. С. 61–85; *Claessen H.J.M., van de Velde P.* Introduction // *Early State Economics* / Ed. H.J.M. Claessen & P. van de Velde. New Brunswick; London, 1991. P. 2–4; *Wickham Ch.* Rethinking the Structure of the Early Medieval Economy // *The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Early Medieval Studies* / Ed. J.R. Davis, M. McCormick. Aldershot, 2008. P. 19–31.

⁴ Эта специфика экономики ранних обществ осознавалась и историками-марксистами. См.: *Щанов Я.Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI – первой половины XII в. // *Актуальные вопросы истории России эпохи феодализма* / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1970. С. 85–119.

обмена) и редистрибуции (перераспределения). Особое направление составляли экономисты-марксисты (М. Годелье, М. Блок, Л.В. Данилова), которые выделяли в качестве приоритетных понятия эксплуатации, способов производства, формирования классов⁵. При том, что субстантивистская парадигма, несомненно, отличается бóльшим историзмом и адекватностью историческим реалиям (что и определило ее доминирование в современной науке), использование методов как политэкономии современности, так и марксистской, оказывается продуктивным и более того необходимым для понимания всей сложности и многоаспектности экономики ранних обществ, особенно переживающих переход к государственности⁶.

В изучении раннесредневековой экономики в последние десятилетия XX и начале XXI в. на основе по преимуществу субстантивистской теории сформировались две основные исследовательские области: «дистрибутивная» и «производственная»⁷. Первая, развивавшаяся особенно интенсивно, была сосредоточена вокруг обмена в различных его формах: дара, взаимообмена материальными и нематериальными ценностями, бартера, торговли, а также товаров и торговых коммуникаций. Это направление стало приоритетным в изучении экономики Скандинавии эпохи викингов (VIII–XI вв.), а также Руси, где в качестве центральных выделились проблемы торговли и «серебряного потока» – поступления огромной массы серебряных монет с арабского Востока в Восточную Европу, а затем Скандинавию с рубежа VIII–IX вв.⁸

«Производственное» направление рассматривает организацию и функционирование производящих отраслей экономики, прежде всего земледелия, включая формы эксплуатации крестьянства,

⁵ *Godelier M. L'Idéal et le matériel: pensée, économies, sociétés.* Fayard, 1989; *Блок М. Феодальное общество* / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой, Е.М. Лысенко. М., 2003; *Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси.* М, 1994.

⁶ *Claessen H.J.M., van de Velde P. Introduction.* P. 4.

⁷ *Wickham Ch. Rethinking.* P. 19–20.

⁸ См. последние обобщающие работы с обширной литературой: *Перхавко В.В. История русского купечества.* М., 2008; *Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки.* Великий Новгород, 2001; *Носов Е.Н., Леонтьев А.Е. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда, 2012. С. 382–401; *Silver Economy in the Viking Age* / Ed. J. Graham-Campbell, G. Williams. Walnut Creek, CA, 2007; *The Viking World* / Ed. St. Brink, N. Price. Abingdon, 2008; работы П. Ковалева по нумизматике.

но также и ремесел. В меньшей степени развивавшееся в Скандинавских странах, оно было доминирующим в отечественной историографии 1930–1970-х гг., когда древнерусской производящей экономике (земледелию, скотоводству, ремеслам) отводилось первостепенное место. Тогда же сложилось твердое представление о древнерусской экономике как единой системе, опиравшейся на быстро феодализирующиеся поземельные отношения, и в ее развитии видели основную предпосылку образования Древнерусского государства⁹. Новый импульс изучению экономических проблем дали широкомасштабные археологические исследования сельских поселений¹⁰. Однако ни в Скандинавских странах, ни в России экономическая проблематика не стала приоритетной¹¹, а разрыв между «дистрибутивными» и «производственными» исследованиями не преодолен.

Между тем, отсутствие связи между этими направлениями в изучении раннесредневековой экономики представляется далеко неслучайным и отражающим не только, а может быть и не столько исследовательские традиции и предпочтения, сколько специфику самого объекта исследования – экономики нарождающихся государств. Различия в способах обеспечения жизнедеятельности двух основных страт общества: непродуцирующей материальные ценности элиты и массы производящего населения (крестьян и ремесленников)¹², обычно рассматриваются как многоукладность, которая присуща всем обществам от позднеплеменного до индус-

⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 45 и др. Свердлов М.Б. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. С. 20–21.

¹⁰ В Скандинавии интенсификация исследований была стимулирована изучением полностью раскопанных деревень на Ютландском п-ове (Ворбассе, Холме и др.) и открытием так называемых «центральных мест» (Уппокра, Тиссё, Борг и др.; см. ниже). См. также обобщающий труд: Den svenska jordbrukets historia / Red. J. Myrdal. Borås, 1998. В. I: Jordbrukets första femtusen år. Для Руси см.: Сельская Русь в IX–XVI веках. От новых методов изучения к новому пониманию. М., 2008 и др.

¹¹ Показательно, однако, что в обобщающем труде «Русь IX–X веков» разделов, посвященных сельскому хозяйству или ремеслу, в отличие от торговли, нет. Точно так же нет раздела, посвященного производящей экономике, и в обобщающей работе по эпохе викингов: The Viking World.

¹² Duby G. The Early Growth of European Economy: Warriors and Peasants from the Seventh to the Twelfth Centuries. L., 1974 (впервые опубликовано на франц. языке в 1970 г.).

стриальных¹³. Однако, как представляется, в эпоху зарождения и становления ранних государств в рассматриваемых регионах наряду с различными хозяйственными укладами в сфере производящего хозяйства существует принципиальный разрыв между производящей и непроизводящей экономическими сферами, социально-обусловленный и носящий системный характер. Фактически, в условиях становления государственности сосуществуют две самостоятельные и лишь частично взаимодействующие экономические системы «с различными принципами организации, с различными санкциями для их согласования, различными способами институализации экономических механизмов»¹⁴ и различными формами их взаимодействия: производящая, создававшая прежде всего продукты непосредственного потребления, и непроизводящая, в рамках которой перераспределялся прибавочный продукт производящего хозяйства, но главным образом и по преимуществу – ценности, полученные в результате непродизводящих форм деятельности, войны и торговли. Первая предполагает в первую очередь анализ процесса производства и его организации, что предопределяет ее изучение в рамках «производственного» направления. Вторая, в силу важности и разнообразия форм перераспределения ценностей исследуется в рамках «дистрибутивного» направления.

Задачами данной статьи является, во-первых, обоснование принципиального и системного различия между производящей и военно-торговой сферами, позволяющего говорить о них как о двух самостоятельных экономических системах на Руси IX–X вв. и Скандинавии эпохи викингов¹⁵; во-вторых, рассмотреть взаимодействие этих систем в каждом из регионов; в-третьих, показать специфику их функционирования в восточнославянском и скандинавском мирах.

¹³ Шанов Я.Н. О социально-экономических укладах.

¹⁴ Dalton G. Economic Theory and Primitive Society. P. 20.

¹⁵ Этот вопрос был впервые поставлен для Скандинавии в статье: Hedeager L. Warrior Economy and Trading Economy in Viking-Age Scandinavia // Journal of Economic Anthropology. 1994. Vol. 2/1. P. 130–148, для Руси: Мельникова Е.А. Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 51–68.

Ныне признано – в отечественной историографии более или менее молчаливо, – что производящая, прежде всего аграрная экономика восточных славян не создавала даже в наиболее плодородных, лесостепных областях достаточное количество прибавочного продукта для эндогенного перерастания стратифицированного общества (сложных и сверхсложных вождеств) в государственное. Точно также и в Скандинавских странах производящее хозяйство, особенно в Норвегии и Исландии, с трудом обеспечивало простое воспроизводство ресурсов и повсеместно дополнялось рыболовством, охотой, собирательством¹⁶. Важнейшие технологические инновации в земледелии, обеспечившие его значительный рост, как показывают данные археологии, палеоботаники, палеозоологии, палинологии и др., внедрялись уже в раннегосударственный период, но не предшествовали ему.

Тем не менее значение производящей экономики вряд ли стоит приуменьшать – хотя бы уже потому, что в ее сфере находилось подавляющее большинство населения как в Восточной, так и в Северной Европе. «Прожиточная экономика» (subsistence economy), включавшая земледелие¹⁷, скотоводство, промыслы и домашние ремесла, являлась базовой, удовлетворяя элементарные нужды населения в повседневных продуктах питания и ремесла в размере, необходимом для простого воспроизводства.

Время становления государств в Северной и Восточной Европе, VIII–XIII вв., является периодом климатического оптимума (так называемый малый, или средневековый климатический оптимум), при котором среднегодовые температуры были почти на 1° выше, нежели ныне¹⁸. Улучшившиеся климатические условия уже в IX в. могли вызвать некоторое повышение урожайности традиционных культур и увеличение поголовья скота даже

¹⁶ *Jørgensen L.B.* Rural Economy: Ecology, Hunting, Pastoralism, Agriculture and Nutritional Aspects // *The Scandinavians. From the Vendel Period to the Tenth Century* / Ed. J. Jesch. San Marino, 2002. P. 129–144. Недостаток ресурсов при росте населения считается одной из причин колонизационной экспансии викингов на острова Атлантического океана и в Англию. Ср. легенду о принудительном выселении трети населения о. Готланд из-за нехватки пропитания (*Сага о гутах* / Пер. С.Д. Ковалевского // *Средние века*. 1975. Т. 38. С. 307–311).

¹⁷ *Marvin P.M.* Subsistence Agriculture: Analytical Problems and Alternative Concepts // *American Journal of Agricultural Economics*. 1968. May. P. 292–310.

¹⁸ *Клиге Р.К., Воронов А.М., Селиванов А.О.* Формирование и многолетние изменения водного режима Восточно-Европейской равнины. М., 1993. С. 55.

при использовании старых орудий труда, что могло несколько повысить доходность хозяйства и обеспечить рост прибавочного продукта.

Вместе с тем, сельскохозяйственное производство восточнославянских общностей претерпевает существенные изменения накануне, а уже в период становления Древнерусского государства – в X–XI вв.¹⁹. Прежде всего начался переход к новой, более продуктивной системе землепользования – паровой, но он осуществлялся по преимуществу в лесостепной зоне, в лесной зоне – в силу географических условий – продолжали доминировать подсечная и переложная системы. Распространение двухполюя на большей части территории Руси, в том числе и в лесной зоне, отмечается также только в XI в., т.е. уже в условиях существования раннего государства²⁰. Новые формы ведения сельского хозяйства сопровождались внедрением усовершенствованных орудий труда. Однако вплоть до X в. основным и единственным орудием пахоты оставалось рало, часто снабженное железным наконечником. На рубеже IX–X вв. на северо-западе Руси появляется соха, которая использовалась там при лесном перелогe и преобразовании подсек в поля длительного пользования²¹. Расширился в это время и круг выращиваемых культур. Если в IX–X вв. ведущими злаками на всей территории Руси были пшеница и ячмень, а на юге также просо, то в X–XI вв. распространяется озимая рожь, которая становится важнейшей сельскохозяйственной культурой, особенно в лесных районах²².

Показательно увеличение производства зерна, высчитываемое по размерам зерновых ям на поселениях. Средние размеры боль-

¹⁹ Существенные климато-географические различия отдельных областей в каждом из рассматриваемых регионов вынуждают предложить лишь крайне обобщенную картину производящего хозяйства как в Северной, так и Восточной Европе.

²⁰ *Слободин В.М.* К вопросу о развитии и смене систем земледелия // *Материалы по истории земледелия СССР*. М., 1952. Т. I; *Левашова В.П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // *Тр. ГИМ*. 1956. Вып. 32; *Довженок В.И.* Землеробство древней Руси. Київ. 1961.

²¹ *Чернецов А.В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // *СА*. 1972. № 3. С. 135–148; *Он же.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи // *Вестник МГУ. Сер. истор.* 1972. Вып. 2; *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.

²² *Кириянова Н.А.* О составе земледельческих культур Древней Руси X–XV вв. // *СА*. 1979. № 4. С. 72–85.

шинства ям в Северской земле и на Дону в VIII–IX вв. соответствовали 4–6 четвертям зерна (ок. 70–100 кг), но на протяжении X в. их размер существенно возрастает и в первой половине XI в., составляет до 1 т²³. Одновременно расширяется масштаб животноводства. В остеологическом материале с сельских поселений резко увеличивается количество костей домашних животных, тогда как ранее доминировали остатки диких животных (результат охоты).

Все эти изменения, однако, не предшествуют эпохе возникновения Древнерусского государства (как традиционно постулировалось в рамках теории эндогенного восточнославянского политогенеза), а происходят по преимуществу уже в условиях его становления, в X и особенно в XI в.²⁴ Рост же производящего хозяйства в IX в. отмечается в столь слабых еще размерах, что его воздействие на интенсификацию социально-политических процессов вряд ли могло быть сколько-нибудь существенным.

Недостаточно для перерастания вожеств в государства было производящее хозяйство и Скандинавских стран. Различия географических условий в разных областях Скандинавии – большая часть территории Скандинавского п-ова занята горным хребтом – обусловили многообразие хозяйственных укладов²⁵. Пригодные для земледелия равнинные земли (но перерезанные моренным грядами) располагаются по преимуществу на Ютландском п-ове и датских островах, в Южной (Вестергётланд и Сконе) и Средней (Свеаланд) Швеции, в Южной (Вик) и Юго-Западной (Ярен) Норвегии. На сегодняшний день размер культивируемых земель составляет менее 10% территории Фенно-Скандии, а в современной Норвегии – лишь 1%²⁶. Господствовало огневое и подсечное земледелие или перелог, мало производительные и требующие частой смены засеваемых участков. Главным орудием обработки земли в эпоху викингов оставалось рало с железными нако-

²³ Григорьев А.В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // ДГВЕ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 94–127.

²⁴ Интересно было бы поставить обратный вопрос: какое воздействие на внедрение новых технологий в сельском хозяйстве оказало изменение политической организации общества. См. примеч. 74.

²⁵ См. подробно: Christiansen E. The Norsemen in the Viking Age. Oxford, 2002. P. 189–213.

²⁶ Ibid. P. 192.

нечниками, в которое впрягались один-два быка: следы глубокой вспашки появляются в VIII–IX вв. только в Дании²⁷. Основной зерновой культурой на всем протяжении I тысячелетия н.э. оставался ячмень, хотя в IX в. начинает засеиваться рожь, а также овес. Однако рожь, которая стала играть важную роль в XII в. и позднее, в рассматриваемое время была скорее «символическим знаком, удостоверяющим идентичность земледельца»²⁸. Недостаток зерна ощущался постоянно: показательны добавки в хлеб – в 64 кусках хлеба из погребений в Бирке (X в.) основным ингредиентом был ячмень, но в состав хлеба входили также овес, пшеница, рожь, полба, вика, бобы и лен²⁹.

Нехватка зерновых восполнялась прежде всего скотоводством: в Норвегии господствовало отгонное овцеводство – на летний период стада перегонялись на горные пастбища (*setr*), в Дании – разведение крупного рогатого скота. В эпоху викингов существенно возрастает поголовье скота: в VI–VII вв. в Дании на средней по достатку усадьбе насчитывалось 10–15 голов крупного рогатого скота, в X в. – до 80–100 голов, а в Рибе уже со второй четверти VIII в. предполагается торговля быками³⁰. Важнейшим способом пополнения продуктов питания было рыболовство, которое в Норвегии в XI в. приобретает торговый характер (сельдь вывозится в другие регионы, вплоть до Германии и Англии), а также охота.

Как свидетельствуют находки и более поздние письменные источники, насущные повседневные потребности владельцев выделившихся к середине I тысячелетия н.э. так называемых «усадб магнатов» в составе деревень в Дании³¹ и, тем более, «центров

²⁷ На селищах в Борупе, Виборге, Линдхольм-Хёйе: *Ibid.* P. 196–197.

²⁸ *Viklund K.* Cereals, Weeds and Crop Processing in Iron Age Sweden. Methodological and Interpretative Aspects of Archaeobotanical Evidence. Umeå, 1998. P. 174.

²⁹ *Christiansen E.* The Norsemen. P. 205.

³⁰ *Jørgensen L.B.* Rural Economy. P. 131.

³¹ Масштабные раскопки деревень в Vorbasse, Sædding, Omgård и др. на Ютландском п-ове выявили появление в это время крупных, до 200 кв. м (в 3–5 раз больше рядовых) усадеб с «большим домом», совмещающим функции жилища и помещения для собраний, и разнообразными постройками (до 8 при 2–3 на рядовых усадьбах), жилыми, хозяйственными, производственными (*Hvass S.* Vorbasse, the Viking Age Settlement at Vorbasse, Central Jutland // *Acta archaeologica.* 1980. T. 50. P. 137–172; *Idem.* Jernalderens bebyggelse // *Fra stamme til stat i Danmark.* Højbjerg, 1988. Vol. 1: Jernalderens stammesamfund / Ed. P. Mortensen and B.M. Rasmussen; *Fallgren J.-H.* Farm and Village in the Viking Age // *The Viking World* / Ed. St. Brink, N. Price. Abingdon, 2008. P. 67–76.

власти», вероятно усадеб местных вождей³², во всех областях Скандинавии в определенной степени обеспечивало собственное хозяйство знати, начавшее развиваться в VII–VIII вв.³³ Хозяйственную деятельность мелкого конунга, хотя и принадлежащего к клану Инглингов, рисует «Сага об Олаве Святом» в составе «Круга земного» Снорри Стурлусона (1220-е годы): в начале XI в. Сигурд Свинья, один из «малых конунгов» Вестфольда, отчим Олава Харальдссона, впоследствии Святого, «был человек очень работающий и очень хороший хозяин. Он сам вел хозяйство и следил за скотом и двором». Именно в поле и застаёт его вернувшийся из викингских походов Олав: «с ним тогда было много работников. Кто косил хлеб, кто вязал снопы, кто отвозил их домой, а кто складывал их в скирды или в сараи. Конунг с двумя работниками то был на поле, то шел туда, где складывали снопы»³⁴. Хозяйство Сигурда, видимо, мало отличается от хозяйства Эрлинга сына Скъяльга, принадлежавшего к знатному роду в Хёрдаланде: «У Эрлинга в усадьбе всегда было тридцать рабов и, кроме того, всякая другая прислуга. Днем Эрлинг заставлял своих людей работать на него, а вечером или ночью

³² Такие усадьбы выявлены в конце XX – начале XXI в. в Uppåkra в Сконе, Tissø и Lejre на о. Зеландия, Borg на Лафонтенских о-вах, Sorte Muld на о. Борнхольм, а затем и в ряде других мест (*Jørgensen L.B. Kongsgård – kultsted – marked. Overvejelser omkring Tissøkompleksets struktur og function // Plats och praxis. Studier av nordisk förkristen ritual / Ed. K. Jennbert, A. Andrén, C. Raudvere. Lund, 2002. S. 217–249; Uppåkra: centrum och sammanhang / Red. B. Hårdh. Lund, 2001*). Они представляют собой огороженную крупную усадьбу с домом-халле (до 650 кв. м), примыкающими многочисленными жилыми и хозяйственными постройками, а также производственной зоной и культовой площадкой (см. также: *Centrala platsbyråder, centrala frågor: Samhällsstrukturen under järnåldern: en vänbok till Berta Stjernquist / Red. L. Larsson, B. Hårdh. Stockholm, 1998; Ljungkvist J., Frölund P. Gamla Uppsala – the Emergence of a Centre and a Magnate Complex // Journal of Archaeology and Ancient History. 2015. № 16. P. 3–29*).

³³ Об этом свидетельствует появление в Гудме, Тиссё, Лайре значительного размера хозяйственных построек, предназначенных для хранения продуктов сельскохозяйственного производства и содержания скота, а в ближайшем окружении этих центров возникают хутора, как предполагается, зависимых от владельца усадьбы людей (*Jørgensen L.B. From Tribute to the Estate System, 3rd – 12th Century // Kingdoms and Regionality / Ed. B. Arrhenius. Stockholm, 2001. P. 73–82*). Впрочем, и сам факт зависимости близлежащих владельцев хуторов от центральной усадьбы, и ее степень остаются неясными при отсутствии письменных источников и скорее постулируются логически.

³⁴ Сага об Олаве Святом, гл. XXXIII // *Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, 1995. С. 181–182 (далее – КЗ)*.

он давал возможность тем из них, кто хотел, работать на себя. Он давал рабам землю, и они сеяли хлеб и снимали урожай. Эрлинг устанавливал размер выкупа, и многие рабы выкупали себя через полгода или год, а все, у кого было хоть сколько-нибудь удачи, выкупали себя через полтора года. На эти деньги Эрлинг покупал себе других рабов. Тех, кто становился свободным, он посылал на ловлю сельди или отправлял на другие промыслы. Некоторые расчищали себе участки и селились там, и каждому он чем-нибудь помогал»³⁵. Большое и успешное хозяйство Эрлинга, как видно из сагового описания, удовлетворяет «прожиточные» потребности обитателей усадьбы и обеспечивает простое воспроизводство ресурсов.

Рост экстенсивного производящего хозяйства, который сопутствовал процессам образования Древнерусского и скандинавских государств, особенно в X–XI вв., мог обеспечить, судя по имеющимся данным, размер прибавочного продукта, необходимый для усиления стратификации общества и формирования вождеств и даже сложных вождеств с выделившейся знатью и наследственной властью правителя, но был недостаточен для поддержания сколько-нибудь значительного непроизводящего слоя, аппарата управления и иных раннегосударственных структур³⁶.

* * *

Главным источником богатства владельцев «усадб магнатов» и вождей не только в VII в., но и в начале XI в., однако, было не собственное хозяйство и не «подношения» окрестных жителей. Тот же Эрлинг, который, как «говорили... был самым могущественным из всех лендрманнов в Норвегии... никогда не выходил в море иначе, чем на ладье с двадцатью гребцами. У Эрлинга был очень большой корабль с сорока двумя скамьями для гребцов. Он всегда ходил на нем в викингские походы или, когда собирали ополчение, и тогда на этом корабле было не менее двухсот человек»³⁷. Принципиально важно, что при всей своей заботе о хозяйстве Эрлинг, уже отнюдь не юноша, стремящейся к военной славе, находит возможным – и, более того,

³⁵ Сага об Олаве святом, гл. XXIII // Там же. С. 177.

³⁶ См.: Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997.

³⁷ Сага об Олаве святом, гл. XXII // КЗ. О кораблях викингов см.: Simek R. Die Schiffe der Wikinger. 2014.

предпочтительным – оставлять свое обширное хозяйство на летнее, т.е. самое горячее для сельских работ время и отправляться в викинг³⁸. Очевидно, что он отдает безусловный приоритет военной деятельности как более эффективному средству обогащения, нежели сельское хозяйство.

Военная деятельность, как уже давно было показано, играла важнейшую роль в процессах политогенеза³⁹, особенно в период перехода от сложных вожеств к раннему государству в обществах, не испытывавших прямого воздействия римской цивилизации, прежде всего в скандинавских⁴⁰. Она обеспечивала сверхдоходы элиты, выделившейся в Скандинавии еще в эпоху бронзы (1500–500 г. до н.э.)⁴¹ и существенно укрепившейся в железном веке (500 г. до н.э. – VIII в. н.э.)⁴². О размахе военной деятельности и ее профессионализации в I–VI вв. н.э. говорят «болотные» (вотивные) клады на территории совр. Дании и Сконе (на настоящий момент известно 25 мест захоронения таких кладов), состоящие по преимуществу из предметов вооружения и экипиров-

³⁸ Слово *viking*, ж.р., имело значение «морской поход», как правило, с грабительскими целями; то же слово в мужском роде, *vikingr*, означало участника такого похода, викинга.

³⁹ См.: *Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169, № 21. P. 733–738*; *The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Scalnik. Hague, 1978*; *Крадин Н.Н. Политическая антропология. 2-е изд. М., 2010*.

⁴⁰ Степень изолированности «окраин» Европы, Скандинавии и Восточной Европы (т. наз. «бессинтезная зона»), сильно преувеличивалась до последних десятилетий, когда новые археологические материалы показали значительную интенсивность контактов Севера, особенно Южной Скандинавии, но также и Свеаланда, если не непосредственно с Римской империей (впрочем, немало выходцев из Скандинавских стран служили в римской армии), то с ее заальпийскими провинциями и Галлией. См.: *Hansen U. Beyond the Roman Frontier // The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium A.D. / Ed. K. Randsborg. Rome, 1989*; *Hedeager L., Tvarno H. Romerne og Germanerne. København, 1991, 2000. B. 1–2*; *Grane Th. Roman Imports in Scandinavia: Purpose and Meaning? / Rome Beyond Its Frontiers: Imports, Attitudes, and Practices. Portsmouth, Rhode Island, 2013. P. 29–44*.

⁴¹ Значительная стратификация общества проявляется в Скандинавских странах этого времени в богатых захоронениях в курганах и под каменными насыпями с роскошными бронзовыми украшениями и предметами пиришественного обихода, оружием и другими престижными вещами (*Randsborg K. Befolkning og social variation i ældre bronzealders Danmark // Kuml. Aarhus, 1973–1974. S. 197–208*; *Kristiansen Kr., Larsson Th.B. The Rise of Bronze Age Society – Travels, Transmissions and Transformations. N.Y., 2005*).

⁴² *Jensen J. I begyndelsen: Gyldendal og Politikens Danmarks Historie. København, 2002. Vol. 1*.

ки воина. Некоторые из кладов насчитывают десятки мечей и сотни наконечников копий, стрел, умбонов щитов, поясных пряжек и пр., как, например, три клада из долины р. Иллеруп на восточном побережье Ютландского п-ова (20 км от Орхуса), содержавшие более 15 000 предметов. Здесь же обнаружено массовое захоронение более 200 человек⁴³. Эти, как и другие подобные клады, считаются жертвоприношениями захваченного оружия и пленных⁴⁴. Клады в Иллерупе датируются III – серединой V в., захоронение – I в. н.э., т.е. долина р. Иллеруп на протяжении почти 500 лет служила постоянным местом воинских ритуалов, отмечавших победу над врагом.

Важным дополнительным источником доходов военного слоя в римское время стало массовое наемничество – служба в римских провинциальных войсках. Существенное место в поступавших в Скандинавию ценностях занимают плата наемникам, с которой связывают, в частности, поступление золотых (к 1970-м годам. было известно 255) и серебряных (ок. 1200 экз.) римских монет, и «дипломатические» дары, к которым причисляются, например, богатейшие находки из погребения в Хобю (о. Лолланн, I в. н.э.), в том числе серебряные кубки с вычеканенными сценами из «Илиады», на одном из которых вырезана имя римского наместника в Майнце Silius.

В эпоху викингов военная экспансия скандинавов резко усилилась, что, видимо, было вызвано – в условиях трансформации вожеств в раннегосударственные образования⁴⁵ – резко возросшей потребностью в сверхдоходах⁴⁶. Появились и технические

⁴³ Illerup Ådal / Red. J. Ilkjær et al. Aarhus, 1990–2011. В. 1–14.

⁴⁴ *Jørgensen L.B.* The “Warriors, Soldiers and Conscripts” of the Anthropology in the Late Roman and Migration Period Archaeology // *Military Aspects of the Aristocracy in Barbaricum in the Roman and Early Migration Periods: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 10–11 December 1999* / Ed. B. Storgaard. Copenhagen, 2001. P. 9–19; *The Spoils of Victory: The North in the Shadow of the Roman Empire* / Ed. L.B. Jørgensen, B. Storgaard, L. Gebauer Thomsen. Copenhagen, 2003.

⁴⁵ Свидетельством этих процессов считается возведение укреплений на южном перешейке Ютландского п-ова – Даневирке. Исследование древнейшего из валов, Ковирке, дало дендродату 737 г. (*Andersen H.H.* Danevirke og Kovirke. *Arkæologiske undersøgelser 1861–1993.* Højbjerg, 1998). Предполагается, что такое масштабное строительство было невозможно без наличия сильной центральной власти и раннегосударственных структур.

⁴⁶ Несомненно, что причины, вызвавшие массовую военную активность скандинавов в конце VIII в., были многообразны: в их числе назывался и перенаселение, и недостаток пригодных для культивации земель, и мн. др. (*Sawyer P.* *The Causes*

возможности для массовых набегов на побережья Северного и Балтийского морей: мобильность скандинавов к этому времени существенно возросла благодаря изобретению паруса (VI–VII вв.) и нового типа кораблей – с одинаково поднятыми носом и кормой, что резко увеличило их маневренность⁴⁷. С конца VIII в. военная активность викингов нарастает, достигая пика в середине IX в., когда в течение 840–860-х годов были разорены Квентовик, Руан, Нант, Лондон, Рочестер, Гамбург, осажден Париж, чуть позже погибает Дорестада, а Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия оказываются захвачены «большим языческим войском». Второй этап экспансии викингов, начавшийся в 870-е гг., ознаменовался колонизацией захваченных английских территорий и островов Северной Атлантики, прежде всего Исландии. Однако грабительские походы, хотя и в меньшем числе, продолжались на протяжении всего X в., перерастая на рубеже X–XI вв. в крупномасштабное «государственное» завоевание Англии, приведшее к созданию «империи» Кнута Великого (ум. в 1035 г.), объединившего под своей властью Англию, Данию, Норвегию (с 1028 г.). Ограбление городов и монастырей на берегах Северного моря приносило огромную добычу в виде ценных предметов, но также и захваченных пленных, которых затем продавали в рабство на европейских рынках или привозили домой, используя в хозяйстве. Не меньшей была прибыль от откупов, которые выплачивали правители Франкии и англосаксонских королевств предводителям викингских отрядов, чтобы избавиться от грабежей, на что указывают многочисленные находки франкских и англо-саксонских монет в Скандинавии⁴⁸.

Грабительские походы, которые возглавляли представители правящих кланов и знати, а также зажиточных бондов и в которые регулярно ходили молодые воины рядовых семей, были важнейшим источником накапливаемых богатств, о чем свидетельствуют – для

of the Viking Age // *The Vikings* / Ed. R.T. Farrell. Chichester, 1982. P. 1–7; *Jones G. A History of the Vikings*. 2nd ed. 1984. P. 182–203).

⁴⁷ *Simek R. Die Schiffe der Wikinger*. S. 50–59.

⁴⁸ Например, при осаде Парижа в 845 г. Карл Лысый выплатил викингам 7 000 фунтов серебра. Известно 13 случаев получения викингами откупа во Франкии, в 7 из них до нас дошли размеры выплат, они составили в общей сложности 40 000 фунтов серебра. См.: *Coupland S. The Frankish Tribute Payments to the Vikings and their Consequences* // *Francia*. 1999. Vol. 26/1. P. 57–75. См. также статьи в сб.: *Silver Economy*.

XI в. – многочисленные рунические памятники, а для более раннего времени – находки привозных изделий, прежде всего предметов роскоши из бронзы и драгоценных металлов, отсутствующих в Скандинавии, на усадьбах вождей и в примыкающих к ним могильниках (так, в Упкре найдено более 30 000 предметов из золота, серебра и бронзы), причем таких, которые вряд ли могли оказаться предметами торговли: книжные застёжки и накладки, навершия епископских посохов, церковная утварь.

Важной особенностью походов викингов было участие в них не только знати, но и множества рядовых бондов, а соответственно более широкое, нежели ранее, распространение в обществе добытых ценностей. Разумеется, бóльшая часть награбленного оказывалась в руках организаторов и руководителей похода, но и на долю других его участников приходилось немалое имущество, в том числе рабы.

Таким образом, активизация военной деятельности скандинавов в I тысячелетии н.э. обеспечила сначала военную элиту, а затем – в эпоху викингов – и все скандинавское общество колоссальными сверхдоходами, несопоставимыми с прибавочным продуктом производящего хозяйства.

Война была наиболее прибыльным и легким способом обеспечения элиты не только в скандинавском, но и в восточнославянском мире. Знаменитое высказывание Владимира Святославича: «Сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, дружиною налѣзу сребро и злато яко же дѣдъ мои и отецъ мои доискася дружиною злата и сребра»⁴⁹, по существу определяет основу, на которой зиждилась экономика древнерусской элиты – военную деятельность. Она обеспечивала дани с покоряемых соседних славянских «племен» (политий), а также военную добычу – как в ходе подчинения этих племен⁵⁰, так и в результате нападений на более далеких, но богатых соседей: на Византию, Волжскую Булгарию, видимо и на Крым (не случайно в договоре 944 г. русам запрещается зимовка в Белобережье), и в прикаспийские области.

Военные экспедиции, как и подчинение соседей, сопровождаемое выплатами дани, практиковались еще до возникновения

⁴⁹ ПВЛ. С. 56. Рассказ о пире дружины в статье под 6504 / 986 г., очевидно, восходит к устной традиции.

⁵⁰ Ср. во Франкской империи: *Reuter T. Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. 1985. Vol. 35. P. 75–94.*

Древнерусского государства славянскими группировками. Восточнославянский мир с многочисленными самостоятельными территориально-политическими образованиями предоставлял широкие возможности для дополнительного обогащения более сильных в военном отношении политий. Борьба отдельных восточнославянских «племен», прежде всего полян и древлян, воспоминания о которой сохранились в ПВЛ, была в первую очередь борьбой за экономические ресурсы соседа, доступ к которым лежал в установлении политической власти над ним. Новейшие археологические материалы Среднего Поднепровья⁵¹, Северной земли⁵² и др. свидетельствуют о разрушении и разграблении городищ, смене на них населения, расширении на какое-то время территории носителей одной археологической восточнославянской культуры, а затем их исчезновении и т.д. – т.е. об интенсивном соперничестве и постоянной борьбе местных политий разного уровня⁵³.

Совершенно иные масштабы и новое качество военная деятельность в восточнославянском мире приобрела с VIII в., когда началось проникновение скандинавских отрядов в Восточную Европу. О нападениях русов на славян с грабительскими целями пишет Ибн Русте (903–925 гг.), опиравшийся на так называемую «Анонимную записку» 870–890-х годов: «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают»⁵⁴. Набеги на финнов и славян⁵⁵ обеспечивали «находников» предметами первой необходимости, но также – что было еще важнее – то-

⁵¹ *Щеглова О.А.* Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 42–50. Ср.: *Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 278 и др.

⁵² *Григорьев А.В.* Население междуречья Днепра и Дона и другие статьи в кн.: ДГВЕ, 2010 год. М., 2012.

⁵³ *Щавелев А.С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX в. // Книга картины Земли. Сб. ст. в честь И.Г. Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон, А.В. Подосинова. М., 2014. С. 323–330.

⁵⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. С. 48. Далее – Хрестоматия.

⁵⁵ Нет сомнения, что одновременно устанавливались и постепенно крепились мирные контакты скандинавов с местным населением, прежде всего местной элитой.

варами, пользовавшимися максимальным спросом: пушниной⁵⁶ и рабами. Вместе с тем, по мере формирования инфраструктуры Балтийско-Волжского пути роль поставщиков, очевидно, постепенно переходила к местным правителям. С образованием же властного центра скандинавов в Киеве их военная деятельность стала выполнять иные функции.

С одной стороны, началось покорение славянских группировок и превращение их в данников-«пактиотов»⁵⁷, которое осуществлялось по преимуществу военным путем. Военное превосходство профессиональных военных контингентов скандинавского происхождения обеспечило установление их власти над славянскими политиями, военная организация которых, судя по археологическим данным, была развита относительно слабо⁵⁸. Составитель ПВЛ описывает подчинение большинства «племен» Киеву как победное шествие Олега, а затем Игоря, якобы умело договаривавшихся с будущими данниками. Но и в кратких, формульных сообщениях, помещенных под 883–885 гг., проглядывают отзвуки реального положения дел: с древлянами, уличами и тиверцами, по словам летописца, Олег «имяше рать», северян он «победи»⁵⁹. Эти упоминания находят подтверждение в археологическом материале: для времени Олега археологически прослеживается военное наступление киевских дружин на землю северян (которых Олег «победи»), сопровождавшееся основанием так называемых дружинных лагерей⁶⁰.

⁵⁶ Добыча пушнины для продажи в Западной Европе считается главной причиной продвижения скандинавов в Восточную Европу: Noonan Th.S. Why the Vikings First Came to Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. N. F. Bd. 34, H. 3. P. 321–348.

⁵⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989 (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 44/45. См.: Мельникова Е.А. Росы и их пактиоты в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного // «По любви, в правдѣ, безо всакие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина М., 2014. С. 75–88.

⁵⁸ См. о вооружении и военном деле у славян Поднепровья: Юренко С.П. Производственный и бытовой инвентарь. Оружие. Украшения // *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев, 1990. С. 301–302; Зорин А.В. Русы и северяне: из истории военного противостояния // *Профессиональная археологическая работа по холодному оружию Днепровского Левобережья X–XI вв.* // *Портал X. Legio*: <http://xlegio.ru/ancient-armies/armament/ruses-northerners-military-confrontation> (доступ 2.09.2012). Ср. также отсутствие в перечне оружия славян у Гардизи мечей и боевых топоров: Хрестоматия. С. 57).

⁵⁹ ПВЛ. С. 14.

⁶⁰ См.: Коваленко В.П. Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на Днепровском Левобережье // ВЕДС. XXII: Проблемы

Обложение данью как одна из главных – если не главная – цель военной деятельности закрепившихся на рубеже IX–X вв. в Киеве скандинавов отчетливо проступает в летописных повествованиях⁶¹. Летописцы XI – начала XII в., опираясь на историческую память о событиях далекого прошлого, воплотившуюся в устной традиции – по преимуществу в форме рассказов о деяниях первых киевских князей, – придают первостепенное значение взиманию киевскими князьями даней со славянских объединений северян, радимичей, древлян и др. Тема дани является лейтмотивом ранней истории славян: уже в недатированной части пересказывается легенда о выплате полянами дани хазарам мечами⁶², отголоски воспоминаний о «хазарской» и «варяжской» дани запечатлены в «Сказании о призвании варягов»; сжаты до формульного уровня предания о покорении славянских племен киевскими князьями⁶³, которое выражалось в замене «хазарской» дани, киевской; упоминаются дани, которые платил Новгород Киеву вплоть до времени Ярослава Мудрого⁶⁴; наконец, тема дани вводит и объясняет сюжет о смерти князя Игоря⁶⁵.

С другой стороны, военная активность русов выливалась в дальние грабительские походы на прикаспийские земли и особенно на византийские территории. Эти походы превратились в «государственные» акции и стали важнейшим источником обогащения как скандинавской элиты, так, видимо и самостоятельных

политоге́неза. М., 2011. С. 114–119; *Бондарь А.Н.* Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX – X в. // ДГВЕ, 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 300–327.

⁶¹ *Стефанович П.С.* О дани в «трибутарном» государстве Руси в X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы междунар. конф. М., 2012. С. 260–267.

⁶² См. из последних работ: *Петрухин В.Я.* Сказание о хазарской дани в контексте летописной истории // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 43–52; *Комар А.В.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. М.; Иерусалим, 2005. С. 207–218.

⁶³ *Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 162.

⁶⁴ См.: *Стефанович П.С.* Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. СПб., 2010. Вып. 12 (22). С. 5–35.

⁶⁵ *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв.: От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 269–276.

викингских отрядов: не случайно в договоре 944 г. появляется статья о регламентации поездок в Византию и ответственности киевского князя за возможные военные нападения русов, пришедших из Восточной Европы⁶⁶. Такие походы – в случае удачи – приносили колоссальную добычу, прежде всего, в виде ценных предметов, награбленных при нападениях на богатые монастыри и поселения, и пленных.

Резкое возрастание военной активности в восточнославянском мире, таким образом, было вызвано притоком в него скандинавов и формированием новой военной элиты, постепенно объединявшей местные политии и вбиравшей в себя представителей местной знати. Традиционные для скандинавов эпохи викингов грабительские походы и подчинение славянских политий существенно обогащали элиту и служили для нее важнейшим экономическим фундаментом.

Военный способ присвоения был особенно выгоден: в ходе грабительского набега ценные предметы добывались без видимых затрат. В действительности, такие затраты были весьма существенны: требовались вооружение и доспехи, стоимость которых была чрезвычайно высока, особенно мечей; средства передвижения: кони, лады и т.д. Но с одной стороны, эти затраты не воспринимались как непосредственно связанные с предпринимаемым походом: оружие было повседневной принадлежностью воинов-дружинников, неотъемлемым признаком их социального статуса. С другой стороны, затраты на подготовку такой экспедиции многократно окупались в случае удачного ее исхода. Завоевательные же походы ради более или менее постоянного подчинения иных общностей приносили как военную добычу – разово, так, впоследствии, и относительно перманентную прибыль в форме даней. И если военная добыча состояла по преимуществу из предметов роскоши и пленных, то дани обеспечивали, во-первых, насущные нужды завоевателей в предметах непосредственного потребления, во-вторых, снабжали их предметами, которые могли использоваться в торговле, но в торговле не локальной, а дальней. Она имела наибольшее значение для экономики элиты, поскольку через дальнюю торговлю происходило преобразование той части даней, которая выражалась в предметах высокого спроса на рынках Арабского халифата и Византии

⁶⁶ ПВЛ. С. 24.

(пушнина, рабы, мед, воск), в ценности, которые не только маркировали особый статус элиты, но прежде всего создавали материальную возможность содержания и расширения военного слоя, в среде которого вызревали новые, государственные институты.

* * *

Вторым важнейшим источником экономического обеспечения элиты была торговля, роль которой как в экономическом, так и в социально-политическом развитии стратифицированных обществ исследовалась в последние десятилетия особенно интенсивно⁶⁷. Активный обмен и торговля (?) Южной Скандинавии, прежде всего данов, с племенами Центральной и Южной Европы возник еще в эпоху бронзы: отсутствие меди и олова в Северной Европе вызвало необходимость в массовом ввозе металла. Однако для эпохи бронзы вряд ли можно говорить о формировании протяженных (трансевропейских) торговых путей: скорее они состояли из небольших отрезков, завершавшихся пунктами, где происходил обмен и откуда шло распространение ценностей в другие аналогичные центры (например, в Люсехёйе на о. Фюн, Бослунде на о. Зеландия и др.), но оно не затрагивало округу. В железном веке роль торговли заметно усиливается, и «центры власти» уже к середине VII в. активно участвуют в перераспределении ценностей, о чем свидетельствуют многочисленные импорты из различных регионов Европы. В эпоху Великого переселения народов и последующие два столетия нарастает количество золотых и серебряных изделий как привозных, так и местного производства, но из привозного сырья, таких как золотые ожерелья весом до 1 кг, разнообразные украшения, золотые брактеаты (известно более 1300 экземпляров), сосуды и мн. др. Ценные предметы, поступившие в результате торговли, не распространяются в это время за пределы «центров власти» и –

⁶⁷ См. в частности: *Polanyi K.* Primitive, Archaic, and Modern Economies; *The Early State*; *MacCormack C.P.* Exchange and Hierarch // *Economic Archaeology. Towards An Integration of Ecological and Social Approaches* / Ed. A. Sheridan, G. Bailey. 1981 (BAR International Series, 96). P. 159–166; *Hodges R.* Dark Age Economics. *The Origins of Towns and Trade AD 600–1000*. L., 1982; Trade and Exchange in Prehistory. Lund, 1988; *Kipp R.S., Schortman E.M.* The Political Impact of Trade in Chiefdoms // *American Anthropologist*. 1989. Vol. 91, № 2; Early State Economics; *Earle T.* How Chiefs Come to Power; *McCormick M.* Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. N.Y., 2001.

в меньшем количестве – усадеб магнатов: их перераспределение осуществляется в узком кругу местной элиты и соседствующих элит в виде даров, обмена и т.п.⁶⁸ Основная масса производящего населения до эпохи викингов не участвует в потреблении доходов от торговли.

В VII в. геополитическая и геоэкономическая ситуации в Западной Европе кардинально меняются: арабские завоевания VI–VII вв. перекрывают сложившуюся еще в античности средиземноморскую систему торговых коммуникаций, вызвав глубокий экономический кризис и перенос торговых коммуникаций из Средиземного моря на север, что оказало существеннейшее влияние на развитие Скандинавских стран и Руси⁶⁹. На протяжении VII–VIII вв. формируется новая трансевропейская торговая магистраль от Северного моря через Балтийское до меридиональных рек Восточной Европы. Ее расширение маркировано возникновением эмпориев: в VII в. – на побережье Северного моря (южном и юго-восточном – Квентовик, Дорестад, Рибе, северном – Саутхемптон, Ипсвич, Хамвик и др.), в VIII в. – на берегах Балтийского моря (Хедебю, узлового пункта, «хаба», на перешейке Ютландского п-ова, Каупанга в Южной Норвегии, Лёддечёпинга в Сконе, Бирки в Средней Швеции, Рерика на юго-западном побережье, Трусо, Волина, Каупа по южному берегу и др.) и, наконец, на входе в речную систему Восточной Европы – Ладоги (Старой Ладоги). Устойчивые связи скандинавов еще до начала эпохи викингов с Западной (прежде всего, норвежцев и данов)⁷⁰ и Восточной (свеи, восточные ёты, гуты) Европой и их центральное положение в новой коммуникационной сети обусловили их первенствующую роль в установлении и осуществлении торговых контактов между Западом и Востоком. Совмещение функций воинов и купцов отражало не только реальную необходимость для последних охранять и защищать свои товары (и жизни), но и, прежде всего, взаимозависимость этих двух сфер деятельности: грабительские набеги (на Западе) и сбор даней (на Востоке) являлись главным источником товаров – прежде всего

⁶⁸ *Hedeager L. Warrior Economy.*

⁶⁹ См. подробно: *Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // ДГВЕ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269 (там же литература).*

⁷⁰ *Bakka E. Scandinavian Trade with the Continent and the British Isles in Pre-Viking Times // Antikvariskt arkiv. 1971. В. 40. S. 37–51.*

рабов, но также пушнины, воска и др., которые затем реализовывались на рынках Европы и Арабского халифата.

В свою очередь Скандинавия и Восточная Европа насыщались монетным серебром. О размере серебряного потока IX–X вв. (в Восточной Европе он начинается несколькими десятилетиями раньше) можно судить по числу кладов восточных дирхемов и количеству монет в них. На середину 2013 г. (новые клады, иногда чрезвычайно большие, обнаруживаются почти ежегодно) в Восточной Скандинавии было найдено 468 кладов (351 на Готланде и 117 в остальной Швеции) содержащих 84 100 дирхемов⁷¹, что составляет не менее 252 тонн серебра. Для Руси известно 98 кладов восточных монет VIII–IX вв.⁷² и 146 кладов X – первой половины XI в.⁷³, т.е. в общей сложности 244 клада (количество монет неизвестно). Поступление такого огромного количества серебра имело несколько системных последствий для экономики Скандинавских стран и Руси. Во-первых, оно обогащало и, соответственно, укрепляло местные элиты, способствуя институализации власти. Одновременно обогащение знати опосредованно стимулировало интенсификацию производящей экономики, увеличивая спрос на ее продукцию: с одной стороны, расширялись собственные потребности знати, с другой – возникла возможность содержать большее число дружинников и челяди, для которых требовалось большее количество продуктов, одежды, предметов вооружения, украшений и пр.⁷⁴ Во-вторых, монеты являлись «универсальными» деньгами, которые могли использоваться в самых разных транзакциях: купле-продаже, выплатах вергельдов, долгов и др. В-третьих, появление значительного количества монет создавало предпосылки для перехо-

⁷¹ Приношу благодарность проф. Кеннету Йонссону (Стокгольмский университет) за сообщение данных о кладах в Швеции в письме от 27.09.2013. По его сведениям, общее число кладов на Готланде – 392, в материковой Швеции – 151, т.е. 41 и 34 клада соответственно были или целиком вещевыми или содержали некоторое количество западноевропейских монет, фризских скитов, франкских денариев, английских пенни.

⁷² Кулеиов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X вв. С. 387–389.

⁷³ Гомзин А.А. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв. // Русь в IX–X вв. С. 390–393.

⁷⁴ Wickham Ch. Rethinking. P. 22–24. Возможно, именно в этом кроется причина значительной интенсификации производящего хозяйства в X–XI вв. как на Руси, так и в Скандинавии. Ср. выше примеч. 24.

да обмена к рыночной торговле и формирования принципиально новой, монетарной экономики, основанной в дальнейшем уже на собственной чеканке монеты⁷⁵.

Монетарная система приживалась с трудом и долгое время содействовала с архаичными формами обмена и престижной экономики. Показательны постоянные «переходы» от одного типа экономики к другому в повседневной жизни скандинавов⁷⁶. Например, монисты, которые носили жены (или наложницы) скандинавских купцов, являлись показателем богатства последних: по сообщению Ибн Фадлана (начало X в.), один ряд монет указывал на обладание купцом 10 000 дирхемов, два ряда – 20 000 дирхемов и т.д.⁷⁷: универсальные деньги трансформировались в престижную демонстрацию богатства и выводились из сферы денежного обращения. В конце X в. исландцы вознаградили скальда Эйвинда Погубителя Скальдов за драпу об исландцах: «каждый бонд дал ему «податные деньги» (*skattpenning*) весом три серебряных пенни (*penning*), белых в разломе⁷⁸. Когда серебро доставили на альтинг, было решено, чтобы... из него была сделана пряжка... Пряжка весила 50 марок (ок. 10 кг. – *Е.М.*). Они послали ее Эйвинду, а тот дал разрубить ее на части и потратил серебро на покупку скота»⁷⁹. «Дар» Эйвинда в виде хвалебной песни (нематериальный) отплачивается даром в виде ценного украшения (материальным), что вполне соответствует домонетарной экономике. Однако на изготовление этого украшения употребляются

⁷⁵ Первые выпуски монет, как в Скандинавии, так и на Руси или были репрезентативными (как, например, златники и сребреники Владимира; вероятно, выпуск монет Кнутом Великим в Сигтуне, символизовавших его верховную власть над Средней Швецией), или осуществлялись в столь незначительных количествах, что не могли оказать заметное влияние на рынок (первая и вторая чеканка монет в Хедебу, монеты Олава Харальдссона 1023–1028 гг., сребреники Ярослава Мудрого и др.).

⁷⁶ Мельникова Е.А. От дара к покупке: Гуннар Хамундарсон между двух экономических систем // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 193–198.

⁷⁷ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / [Пер. и коммент. А.П. Ковалевского]. Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 78–79.

⁷⁸ Слово *penning* означало прежде всего англо-саксонскую серебряную монету, пенни, но также монеты вообще и деньги как таковые. Вероятно, в данном случае размер суммы, внесенной каждым бондом, равнялся трем английским пенни, что соответствовало величине обычных сборов, с исландцев-усадьбовладельцев, своего рода налога.

⁷⁹ Saga о Харальде Серая Шкура, гл. XVI // КЗ. С. 97 (с уточнениями).

серебряные монеты, которые тем самым теряют свой «монетарный» смысл. Эйвинд же превращает полученный дар обратно в денежную массу, но уже не монетную, а весовую. По словам Л. Хедеагер, «экономическая система эпохи викингов не имеет объяснения, если не учитывать две разные и практически автономные системы: «старую», основанную на даре и престижных предметах экономику, связанную со знатью и берущую корни в железном веке, и «новую», социально нейтральный обмен, монетаризированный и вошедший в употребление в XIII–XIV вв.»⁸⁰

О слабой развитости монетного обращения в Скандинавии эпохи викингов говорит и огромное количество кладов восточного серебра, причем большинство из них – длительного накопления: полученные на рынках монеты, как восточные, так и западно-европейские⁸¹ не находили массового применения и откладывались на длительный срок. При том, что практика использования универсального платежного средства, серебра, в его монетаризированной форме постепенно распространяется в Скандинавии и, вероятно, на Руси, основной формой денежного счета в обоих регионах была весовая, а не монетная, что обусловило широкое распространение рубленого серебра: фрагментов изделий, чаще всего браслетов и шейных гривен, а также разрезанных на две, а иногда и на четыре части монет. Показательно, однако, что в Скандинавии находки весов и гирек в X и даже в XI в. тяготеют к торгово-ремесленным центрам и почти не встречаются «в глубинке»⁸², где, очевидно, продолжал доминировать бартер.

На протяжении эпохи викингов не только военная деятельность, но и торговля в Скандинавии перестает быть прерогативой исключительно знати: воины-купцы происходят из самых разных страт общества, и их поездки обогащают не только элиту, но и широкие слои свободного крестьянства. Доходы от торговли распространяются в обществе, удовлетворяя более широкий круг потребностей и насыщая экономику монетным серебром.

Исключительно элите принадлежали в эпоху викингов лишь доходы, проистекавшие из контроля над торговыми путями и центрами, в которых взимались торговые пошлины. Этим целям служили

⁸⁰ *Hedeager L. Warrior Economy.* P. 139.

⁸¹ В кладах широко представлены также фризские скиты, франкские денарии и англо-саксонские пенни.

⁸² *Hårdt B. Trade and Money in Scandinavia in the Viking Age // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum, 1977–1978. Lund, 1978. P. 157–171.*

возникающие в середине–конце VIII в. поблизости от торгово-ремесленных центров «королевские» усадьбы, такие как Ховгорден на о. Адельсё в 2,5 км от о. Бьёркё, где находилась Бирка. Подобные усадьбы существовали рядом Каупангом и Хедебу⁸³. По свидетельству «Жития св. Ангария» Римберга (написано ок. 875 г.), в Бирке находился «префект» (*bruti?*), который являлся также «королевским канцелярием» и в отсутствие «короля» дал разрешение Ансгарии проповедовать христианство (в первый свой приезд Ангарий обращался к «королю» свеонов, находившемуся поблизости – в Ховгордене?)⁸⁴. Из повествования явствует, что в обязанности «префекта» входило поддержание порядка и организация защиты эмпория в случае нападения. Вероятно, он также надзирал за взиманием пошлин с прибывавших купцов. Однако размер пошлин в эмпориях Скандинавии неизвестен. На Балтийско-Волжском пути, куда практика обложения купцов пошлинами была, очевидно, перенесена скандинавами, «царь» русов, по сообщению арабского писателя первой половины XI в. Гардизи, взимал торговую пошлину в размере 1/10 стоимости товара⁸⁵. При масштабах торговли с востоком, торговые пошлины, если они действительно соответствовали указанным Гардизи, должны были приносить весьма существенный доход правителям, контролировавшим эмпории.

При значительно меньшем размахе военной деятельности важнейшим экономическим фактором восточнославянского политогенеза стала дальняя торговля⁸⁶. Не случайно восточно-

⁸³ Brunstedt S. Alsnu kungsgård. Forskningsprojekt Hovgården. Stockholm, 1996; *Skre D. Towns and Markets, Kings' and Central Places in Southwest Scandinavia ca 800–950 AD* // Kaupang in Skiringssal. Excavation and Surveys at Kaupang and Huseby, 1998–2003: Background and Results / Ed. D. Skre. Oslo, 2007. Общий обзор королевских усадеб см.: Янссон И. Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матлы V Міжнар. навук. канф. Полацк, 2009. С. 214–216; здесь же см. обзор других королевских усадеб в Швеции.

⁸⁴ Vita Ansgarii auctore Rimberto / Hrsg. G. Waitz // MGH SS. Hannover, 1884 (Repr. 1988). Т. 55.

⁸⁵ Хрестоматия. С. 59. Источник данной информации неизвестен, но в другом разделе своего сочинения, о тюрках, Гардизи ссылается на труд Ибн Хордадбеха (VIII в.) и недошедшее до нас сочинение Джейхани (середина X в.)

⁸⁶ Значение торговли для образования Древнерусского государства подчеркивал еще В.О. Ключевский, но в советское время это теория была отвергнута. К ней вернулись – с учетом трудов экономических антропологов, прежде всего К. Поланы (*Polany K. Primitive, Archaic, and Modern Economies* – лишь в 1990-е годы (Мельникова Е.А. К типологии становления государства в Северной и Восточной

славянские предгосударственные образования, т.е. политики с выраженной центральной властью и иерархической социальной структурой, возникают в зонах трансконтинентальных торговых путей: в IX в. в Поволховье на Балтийско-Волжском пути⁸⁷, в среднеднепровском Правобережье (древлянское объединение) на сухопутном пути «из немец в хазары»⁸⁸, в Подесенье (северянское объединение)⁸⁹ и на левом берегу Днепра (полянское объединение) на перекрестье речных и сухопутных дорог⁹⁰, наконец, в начале X в. – на Верхнем Днепре (с центром в Гнездово) на пути «из варяг в греки»⁹¹. Во всех этих объединениях появляются центры предгородского типа, принципиально отличные по своему характеру от более ранних и одновременных им селищ и городищ. В них концентрируется ремесленная и торговая деятельность, нередко находится военный гарнизон, а также резиденция правителя – князя. Состав находок на них разительно отличается от материала сельских поселений и включает многочисленные предметы роскоши импортного и местного происхождения, византийские и восточные монеты и др. Поблизости от таких центров находятся курганные могильники с богатыми погребениями,

Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы истории. Тез. докл. Чтений памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41; *Она же*. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГВЕ, 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32).

⁸⁷ *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований; *Она же*. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности. С. 240–269; *Носов Е.Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59–78; *Она же*. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 157–170.

⁸⁸ *Назаренко А.В.* Южнонемецкие земли в европейских связях IX–X вв. // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 121–136; *Она же*. Русь и Германия в IX–X вв. // ДГВЕ. М., 1991. С. 5–80; *Звиздецкий Б.А.* Городища 9–13 ст. на территории древлян. Київ, 2008; *Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 7–53.

⁸⁹ *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

⁹⁰ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

⁹¹ *Нефедов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // ДГВЕ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 270–299.

содержащими предметы вооружения. Как показывает состав находок, экономическое обеспечение сосредотачивающейся здесь элиты и иноплеменного (скандинавы), и местного происхождения далеко не ограничивается местным натуральным продуктом, который удовлетворяет лишь повседневные нужды в продовольствии, тканях и коже для изготовления одежды и обуви, глиняной посуде и т.п.

Таким образом, экономическое обеспечение элиты как в Скандинавии, так и на Руси складывалось из двух основных компонентов, не связанных друг с другом и ориентированных на удовлетворение разных по своему характеру потребностей: 1) присвоения прибавочного продукта производящего хозяйства основной массы населения (в форме дани или грабежа) и незначительного собственного производства для удовлетворения повседневных нужд (только в Скандинавии); 2) получения престижных ценностей непродводящими способами, главными среди которых были война и торговля. Соотношение и взаимодействие этих двух экономических систем в Скандинавии и на Руси было различным, но в обоих регионах сверхдоходы элиты второй половины IX–X в., необходимые и для осуществления ею властных функций, и для их институализации, т.е. формирования раннегосударственных структур, поступали не из производящего хозяйства, а благодаря военной и торговой деятельности. В обществах обоих регионов, таким образом, параллельно функционировали две относительно самостоятельные экономические системы, в которые были включены разные страты населения – прожиточная (производящая) и военно-торговая, элитная. Сверхдоходы от войны и торговли служили экономической основой для формирования государства – процесса, требовавшего отчисления значительных средств для содержания обширного и постоянно растущего непродводящего слоя: правителя, его клана и окружения, знати, профессиональных военных (дружины), функционеров, занятых в области управления, суда и т.д.

* * *

Военно-торговая экономика принципиально отличалась от производящей не только способами получения прибыли, но и формами ее организации и институализации экономических механизмов⁹².

⁹² Dalton G. Economic Theory and Primitive Society. P. 20.

В сфере производящей экономики как в Скандинавии, так и на Руси в IX–X вв. основной производственной ячейкой были семьи, объединенные в кровно-родственные или территориальные общины, сложившиеся на Севере задолго до эпохи викингов, на Руси – в ходе славянской колонизации Восточноевропейской равнины.

Военно-торговая деятельность осуществлялась с помощью организованной военной силы – профессиональных дружин, находившихся на содержании правителей разного ранга и высшей знати. Норвежский конунг IX–X вв. имел постоянную дружину, насчитывавшую порядка 70–100 человек. Однако для крупномасштабного похода конунг собирал значительно большее войско, состоявшее из бондов на подвластной ему территории – ледунг (др.-исл. *leiðangr*, др.-шв. *leding*, др.-дат. *leding*)⁹³. Предполагается, что ледунг возник до эпохи викингов⁹⁴ и его организация легла в основу территориально-административных округов, сотен, херадов, «корабельных округов» (*skeppslag*). Согласно более поздним областным сводам законов Норвегии и Швеции, каждый округ представлял в войско конунга полностью оснащенный корабль, укомплектованный командой гребцов-воинов. При необходимости ледунг в XI–XII вв. мог насчитывать до нескольких тысяч человек.

О размере дружин в славянских полициях, древлянской, северянской и др., IX – начала XI в. сведений нет. Дружины же русских князей были, вероятно, более многочисленны: по подсчетам П.С. Стефановича, Ярослав во время новгородского княжения имел дружину в 100–150, максимум 200 воинов (более вероятной представляется меньшая цифра); киевский князь, по его мнению, мог содержать 800–1000 воинов – «большую дружину», рассредоточенную по нескольким населенным пунктам⁹⁵, т.е. весь воинский контингент, находящийся в распоряжении князя. Впрочем, можно полагать, что при самом князе находилось также не более 100–150 дружинников⁹⁶. Однако, как и на Севере,

⁹³ *Lund N. Lid, leding og landværn: Nær og samfund i Danmark i ældre middelalder.* Roskilde, 1996.

⁹⁴ Время возникновения ледунга неизвестно: впервые он упомянут в драпе скальда Тинда Халлькельссона (ок. 987 г.) в честь ярла Хладира Хакона в связи с битвой при Хьёрунгаваге в 985 г. (*Tindr Hallkelsson. Hákonar drápa*, 9 // *Finnur Jónsson. Den norsk-islandske skjaldedigtning.* København, 1912 (1973). В. VI. С. 138).

⁹⁵ *Стефанович П.С.* Бояре. Отроки. Дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. С. 315–320.

⁹⁶ Показательно, что в Киеве (пока во всяком случае) не обнаружено место квартирования княжеской дружины. В районе будущего Новгорода военный контин-

для организации крупного военного похода, как, например, походы X в. в Византию, князь мог собрать войско из нескольких тысяч воинов от всех подвластных ему славянских группировок. Списки племен-участников походов Олега и Игоря, как показал А.А. Горский⁹⁷, позднего происхождения, однако можно полагать, что само их составление и включение в летописный текст (как и предания о разных парусах на кораблях руси и славян) отражает воспоминания об участии славян в военных предприятиях киевских князей. Косвенным образом это подтверждает существование значительного более или менее профессионализированного военного слоя в славянских полициях, однако ничего не говорит о его размерах и составе.

Дружина была в первую очередь военной силой, с помощью которой князь и конунги совершали грабительские походы, устанавливали контроль над торговыми путями и центрами, подчиняли себе более слабые полиции и удерживали их в повиновении. Военная функция дружины, однако, была далеко не единственной, поскольку при отсутствии институционализированного аппарата управления только дружина обладала реальными возможностями осуществлять власть правителя на практике, будь то сбор дани, поддержание порядка, подавление сопротивления и т.д. До возникновения специализированных властных институтов, управленческих, фискальных, судебных и др., дружина была полифункциональна и заменяла аппарат управления⁹⁸.

На начальных этапах образования Древнерусского государства основным организационным механизмом элитной экономики для присвоения прибавочного продукта производящего хозяйства было полюдь⁹⁹. Эта практика существовала в славянских поли-

гент вместе с местным правителем (?) размещался на «Рюриковом» Городище, в правление Ярослава – на Поромонем дворе, вероятно, в том месте, где позднее сформировался Готский двор.

⁹⁷ Горский А.А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // ВЕДС-ХIV. М., 2002. С. 51–53.

⁹⁸ Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 59–74.

⁹⁹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М., 1980. С. 329 и след.; Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // ДГВЕ. 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 400–404; Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996; Полюдь: всемирно-историческое явление / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2009 и особенно рец.: Щавелев А.С. Исто-

тиях по крайней мере в конце IX в., а, вероятно, и раньше: об «объездах» правителем славян своих подданных пишет арабский писатель начала X в. Ибн Русте, основывавшийся на так называемой «Анонимной записке о народах Восточной Европы» последней четверти IX в.: «Правитель [славян] ежегодно объезжает их [славян]. И если у кого-то из них есть дочь, то царь отбирает себе по одному из ее платьев¹⁰⁰ ежегодно. А если сын, то также берет по одному из его платьев...»¹⁰¹. Установившие власть в Киеве скандинавы, очевидно, заимствовали этот способ эксплуатации славян-пактиотов, не имевший аналогий в скандинавском мире (см. ниже), как и его славянское наименование «полюдь» (πολύδια), приведенное Константином Багрянородным при описании «сурового образа жизни росов», информация о котором была получена от «роса»-скандинава¹⁰².

Насколько можно судить по сообщениям Константина Багрянородного и древнерусских летописцев, в середине X в. полюдь осуществлялось дружиной киевского князя, но также могло передаваться дружинникам высшего ранга (известно, например, о сборе дани с древлян воеводой Свенельдом; архонты росов – во множественном числе – отправляются в «полюдь» – также во множественном числе¹⁰³, что предполагает участие в полюдь нескольких отрядов, отправлявшихся в разные славинии). Рассказ «Повести временных лет» о древлянской дани подразумевает, что сборщики получали право на всю (?) или часть (?) собранного¹⁰⁴.

рия и археология полюдь: заметки на полях обобщающей монографии «Полюдь: всемирно-историческое явление / Под ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2009. 791 с.» // Материалы по истории и археологии России. СПб., 2012. Т. 2. С. 278–287. Полюдь сохранялось по крайней мере до XII в. в форме фиксированной денежной повинности: в грамоте Мстислава Владимировича 1130 г. говорится об «осеннем полюдь» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 140. № 81. См. о ней: *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 109–129).

¹⁰⁰ Слово, переводимое здесь как «платье», может также обозначать «дар, приношение» (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М, 1962. Т. II. С. 124).

¹⁰¹ Хрестоматия. С. 47.

¹⁰² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 50–51.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Стефанович П.С.* Древлянская дань киевским князьям // «По любви, въ правдѣ, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 19–74. См. также: *Стефанович П.С.* О дани в «трибутарном» государстве. С. 260–267.

К середине X в. размер дани, вероятно, был более или менее регламентирован. Предполагается, что в ходе полюдья князья или их представители с дружинами приезжали в определенные пункты – погосты¹⁰⁵, куда свозились предметы, составлявшие собственно дань: те, которые затем реализовывались в дальней торговле (меха, воск и др.) – о чем пишет Константин, и, вероятно, те, которые требовались для удовлетворения насущных потребностей князей и дружины (ткани, кожа, продукты питания и пр.). Одновременно дружинники и их предводители «кормились», по определению Константина: обеспечивались продуктами питания во время их пребывания в погосте. Обезд «славиний», как сообщает Константин, продолжался весь зимний период, с ноября до начала весны.

Иная система сбора даней отражена в новгородской практике доставки в Новгород мешков с пушниной и, наверное, других продуктов сельскохозяйственного производства и промыслов. Она засвидетельствована замками-«метами» с надписями, фиксирующими стоимость упаковки¹⁰⁶, и берестяными грамотами. На местах сбором дани ведали – в XI в. и далее – управляющие боярскими именьями и деревенские старосты. Согласно «Повести временных лет», на протяжении столетия, вплоть до времен Ярослава Мудрого, Новгород выплачивал дань Киеву¹⁰⁷. Если признать достоверность этого сообщения, то можно предполагать, что собранная местными управляющими дань свозилась в Новгород, откуда уже централизованно отправлялась в Киев. В отдаленные от Новгорода и недавно колонизованные и еще не имевшие налаженной администрации районы направлялись данщики – вооруженные отряды новгородцев. Так, под 1071 г. упоминается сбор даней киевским тысяцким Янем Вышатичем в Ростовской земле, под 1096 г. – «отроками» Гюряты Роговича в Заволочье¹⁰⁸.

Названные Константином «славиний», охватывавшие Среднее и Верхнее Поднепровье, объезжали сами киевские «архонты»-

¹⁰⁵ См.: *Петрухин В.Я., Пуликина Т.А.* К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112. Ср., впрочем: *Платонова Н.И.* Древнерусские погосты – новая старая проблема // ДГВЕ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 328–388.

¹⁰⁶ *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Новгород Великий, 2001.

¹⁰⁷ ПВЛ. С. 14. См.: *Стефанович П.С.* Загадочное известие летописи. С. 5–55.

¹⁰⁸ ПВЛ. С. 76, 107–108.

росы. Очевидно, эта территория находилась под непосредственным управлением киевского князя, который самолично и с помощью своих высших дружинников выполнял здесь фискальную функцию. В Новгороде же, по словам Константина, «сидел» сын киевского князя Святослав, которому была делегирована власть киевского князя как его наместнику, в том числе, вероятно, и контроль за сбором даней. Территория, подчиненная Новгороду, тем самым представляла собой более или менее самостоятельную административно-фискальную область, с иными, нежели в Южной Руси, формами сбора даней¹⁰⁹.

Таким образом, в Южной Руси сбор даней сопровождался кормлением части элиты и дружин в течение зимы на землях, непосредственно подвластных киевскому князю. В Северо-Западной Руси дань, включая продовольствие и ценности (пушнину прежде всего), вероятно, доставлялась в Новгород местной верхушкой. При этом существовали постоянные и устойчивые «центры власти», прежде всего, Киев и Новгород, где находилась перманентная резиденция правителя.

В Скандинавских странах, не имея постоянной резиденции, конунги постоянно разъезжали по подвластной территории. Одним из мест остановок конунга и его дружины были королевские усадьбы – *hus(a)by*¹¹⁰, известные во всех регионах Скандинавии, но концентрирующиеся в двух областях, тесно связанных с формированием королевской власти: вокруг оз. Меларен в Средней Швеции и в Вике в Южной Норвегии¹¹¹. Однако таких усадеб было немного: для эпохи викингов на Ютландском п-ове и о. Фюн их насчитывается всего 8, в густонаселенном и богатом Вике (область вокруг Осло-Фьорда) – 22, в наиболее развитой области Швеции – долине оз. Меларен (Средняя Швеция) – 40¹¹². Собираемого в них продовольствия не хватало на длительное

¹⁰⁹ Ср.: Стефанович П.С. Загадочное известие. С. 5–55.

¹¹⁰ См. Steignes A. Husebyar. Oslo, 1955; En bok om husbyar / Red. M. Olausson. Stockholm, 2000.

¹¹¹ См. карту распространения названия в ст.: Brink St. Nordens husabyar – unga eller gamla? // En bok om husbyar / Red. M. Olausson. Stockholm, 2000. S. 67. Предполагается, что хусабу возникают не ранее середины VIII в. (Langekiehl A.S. De administrative Húsar-gårdenes opprinnelse og kronologi // Collegium medievale. 2003. Vol. 16. S. 67–134). Подробное описание некоторых из них см.: Янссон И. Королевские/княжеские центры.

¹¹² Christiansen E. The Norsemen in the Viking Age. P. 146. Количество хусабу определяется по топонимическим данным.

содержание значительного количества человек (что, кстати, существенно ограничивало численность дружины).

Другим традиционным местом временного нахождения конунга были усадьбы знати и богатых бондов, которые для приема правителя и его людей устраивали пиры-вейцлы (*veizla*, дословно «угощение, званый пир», др.-рус. «гостьба»)¹¹³, нередко неправоммерно сопоставляемые с полюдьем¹¹⁴. Значение пиров, сакральное, коммуникативное, политическое и пр., в ранних обществах обстоятельно изучено¹¹⁵. Как и в других обществах, скандинавские вейцлы X–XI вв., хорошо известные в Норвегии и Исландии по исландским сагам (сообщения о вейцлах в Швеции и Дании отражают более поздний, институционализированный этап их развития), носили полифункциональный характер. Во время пиров конунги совершали жертвоприношения, рассматривали жалобы местных жителей и спорные судебные дела, устанавливали новые или закрепляли старые связи, привлекали на свою сторону верхушку местного общества, т.е. служили и формой

¹¹³ Широко были распространены конкретизированные названия пиров: *brullaupsveizla* «свадебный пир», *blótveizla* «жертвоприносительный пир», *jólaveizla* «пир на праздник йоль», или, позднее, «рождественский пир» (зимний языческий праздник, который в христианскую эпоху был отождествлен с Рождеством) и т.д. См. обширную (если не исчерпывающую) подборку случаев употребления слова в кн.: *Palsson V. Power and Political Communication. Feasting and Gift Giving in Medieval Iceland*. Berkeley, 2010. P. 45–92.

¹¹⁴ *Гуревич А.Я.* Древненорвежская вейцла // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 3. С. 148, примеч. 223; *Кобищанов Ю.М., Беляев Д.Д., Василик В.В.* Полюдь: всемирно-историческое явление. М., 2009 и др.; *Hertzberg, E.* Len og veizla i Norges sagatid // *Germanistische Abhandlungen zum LXX. Geburtstag Konrad von Maurers*. Göttingen, 1893, 285–331; *Holmsen A. et al.* The Old Norwegian Peasant Community // *Scandinavian Economic History Review*. 1956. Vol. 4. P. 17–81. Впоследствии вейцла превратилась в одну из форм фиксированного налогообложения. Время, когда это произошло, спорно. По мнению А.Я. Гуревича, – в правление Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 932/933 г.): *Гуревич А.Я.* Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1956. Вып. II. С. 8–37. Однако и в начале XI в. вейцла, судя по рассказам саг, еще продолжала оставаться нерегулируемой «гостьбой».

¹¹⁵ См.: *Гуревич А.Я.* Пир // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 359–360; *Dietler M.* Driven by Drink. The Role of Drinking in the Political Economy and the Case of Early Iron Age France // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1990. Vol. 9; *Zori D., Bayock J., Egill Erlendsson, Martin S.* Feasting in Viking Age Iceland: Sustaining a Chiefly Political Economy in a Marginal Environment // *Antiquity*. 2013. Vol. 87. Issue 335. P. 150–165.

социального общения, и социально-политическим инструментом, а также играли важную роль в содержании самого конунга и его дружины.

Вейцлы могли продолжаться подчас по несколько недель. Организация вейцлы могла быть как добровольной, так и принудительной: упомянутый выше Эрлинг Скьяльгасон сам приглашал на пиры с участием ярлов и конунгов до двухсот человек, что повышало его авторитет, а сын Эйрика Кровавая Секира, вернувшись из викингских походов в Вик, «потребовал оплаты своего содержания во время этой отсрочки (до собрания тинга, на котором решался бы вопрос об избрании его конунгом. — *Е.М.*). Но бонды предпочли устроить вейцлу для конунга на все то время, пока он в этом нуждался, и конунг принял это предложение и ездил по стране, посещая вейцлы с частью своего войска...»¹¹⁶. Как видно из последнего примера, в обеспечении вейцлы для конунга продовольствием и пивом участвовали все местные бонды.

Таким образом, вейцлы являлись, наряду с собственным хозяйством конунга, средством материального обеспечения (кормления) конунга и его дружины. Однако пиры-вейцлы не сопровождались сбором дани как таковой, что принципиально отличает их от полюдья, и не регламентировались каким-либо образом. Ни длительность пребывания конунга (от нескольких дней до нескольких недель), ни последовательность маршрута поездок не были упорядочены (он мог посетить несколько усадеб бондов, затем отправиться в близлежащий хусабю, затем снова остановиться на чей-нибудь усадьбе). Не было регулярности и в «гостевании» конунга в подвластных ему землях: норвежские правители проводили большую часть времени на юге, в Вике и Вестфольде, и на западе, в Трёндалёге; во внутренние области Норвегии они приезжали достаточно редко. Не установлено было и количество сопровождавших его людей, хотя нормой традиционно считалось присутствие 60–70 (максимум 100) человек. Единственной обычной практикой была предварительная договоренность: конунг, как правило, заранее предупреждал, что собирается провести, например, зиму в какой-то определенной области. Такое предупреждение было необходимо, чтобы местная знать и бонды могли подготовиться к затяжным пирам.

¹¹⁶ Сага об Олаве Трюггвасоне, LXXXVII // КЗ. С. 151 (с уточнениями).

Приезды в хусабю, куда, как считается, свозились дани-подати (вероятно, в основном в виде натурального продукта), также не подвергались регулярным объездам конунга с дружиной: их посещения зависели от местонахождения конунга в той или иной области. Сочетание вейцл и остановок в хусабю, таким образом, обеспечивало повседневные потребности конунга и его дружины.

В организации другой важнейшей отрасли элитной экономики – торговле – на раннем этапе главную роль играли контролируемые правителями торговые центры. Не случайно, на Руси все они обнаруживают присутствие скандинавских военных гарнизонов, задачей которых, как принято считать, была охрана торгового пути и контроль над ним. Аналогичным образом военные отряды размещались рядом с эмпориями: они археологически исследованы в Бирке и Хедебю¹¹⁷. В этих же центрах, по-видимому, уже в IX в., судя по упоминанию «префекта» в Бирке (см. выше), производится взимание торговых пошлин, что предполагает достаточно высокий уровень административного регулирования торговли.

Организация торговой деятельности самой древнерусской элиты остается в целом неясной, хотя очевидно, что и она была определенным образом регламентирована. По рассказу Константина Багрянородного, росы в Киеве ежегодно весной покупают однодеревки, которые оснащаются бортами, веслами, мачтами и пр., и караванами отправляются в Константинополь для торговли товарами, полученными во время зимнего полюдья, и рабами¹¹⁸. Уже сама регулярность этого процесса – по Константину, ежегодного – предполагает некую устоявшуюся систему с распределением организационных функций, например, наличием постоянного контингента специалистов-судостроителей, а также, вероятно, более или менее определенного круга лиц, совершавших плавание в Византию и специализировавшихся на торговых операциях – «гостей» русско-византийского договора 944 г.

¹¹⁷ *Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior: The Material Culture of a Martial Society. Stockholm, 2006; The Martial Society: Aspects of Warriors, Fortifications and Social Change in Scandinavia / Ed. L. Holmquist-Olsen, M. Olausson. Stockholm, 2009.*

¹¹⁸ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 9.*

Выделение военной знати и профессионального военного слоя знаменовало не только новый, более высокий уровень социальной стратификации, но и формирование военно-торговой экономики, принципиально отличной по своему типу от базовой, производящей¹¹⁹. Новая экономическая система являлась продолжением и развитием престижной экономики, непроизводящей и базирующейся на обмене предметами роскоши, маркирующими социальный статус одной ограниченной общественной группы – элиты, и на их перераспределении внутри этой группы. Военно-торговая экономика включала как личностные (дары, обмен)¹²⁰, так и «нейтральные», безличностные формы перехода ценностей из рук в руки, при которых в процессе транзакции не устанавливались социальные связи между ее участниками: это дани с покоренных общностей, плата наемникам, грабеж, выкуп, наконец, торговля и торговые пошлины¹²¹. Война и торговля шли рука об руку, дополняя друг друга¹²². Они способствовали концентрации ценностей прежде всего внутри элитарной группы и не требовали унифицированных платежных средства (денег).

В скандинавском и восточнославянском мирах, однако, роль войны и торговли была различна на разных этапах политогенеза. В период возникновения вождеств в Скандинавии (в эпоху бронзы и раннего железного века) особо важную роль играла дальняя торговля, хотя осуществлялась и достаточно масштабная военная деятельность. На первый же план военная экспансия вышла уже в период становления сложных вождеств и ранних государств (с середины I тыс. н.э.). Для начального восточнославянского политогенеза кардинальное значение имела дальняя торговля по

¹¹⁹ *Duby G.* The Early Growth of European Economy. См. также: *Early State Economics.*

¹²⁰ *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996 («Очерк о даре», «*Essai sur le don*», впервые опубликован в 1923); *Gurevich A.Y.* Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // *Scandinavica.* 1968. Vol. 7/1. P. 126–138; *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 63–82; *Cheal D.J.* The Gift Economy. N.Y., 1988.

¹²¹ *Miller W.I.* Gift, Sale, Payment, Raid: Case Studies in the Negotiation and Classification of Exchange in Medieval England // *Speculum.* 1986. Vol. 61. P. 18–50; *Kruse S.E.* Trade and Exchange Across Frontiers // *Silver Economy in the Viking Age* / Ed. J. Graham-Campbell, G. Williams. Walnut Creek, CA, 2007. P. 166–167.

¹²² *Webb M.* The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // *Ancient Civilization and Trade.* Albuquerque, 1975. P. 155–210.

системе трансконтинентальных коммуникаций, проходивших по территории Восточной Европы, при слабо развитой военной активности. Война приобрела существенные масштабы лишь во второй половине IX–X в. после закрепления в Киеве скандинавской по происхождению военной элиты, но никогда не достигала размаха викингских походов на Западе. При этом важнейшее место дальней торговли в материальном обеспечении элиты сохранялась в полной мере.

Различным было и соотношение военно-торговой и производящей экономик в этих регионах, что являлось следствием степени интегрированности элиты и военного слоя в обществе. В Скандинавии элиты были органически, исконно связаны с обществом, постепенно вызревая внутри самого общества. Одним из результатов этого было наличие собственных земельных владений – одалей – и у конунгов, и у представителей знати. Другой важной особенностью было то, что военная деятельность эпохи викингов перестала быть узко профессионализированным занятием. Военными навыками обладало все свободное мужское население. Обязательной составной (если не основной) частью воспитания мальчиков было обучение их владению оружием, и к 12–14 годам подросток мог свободно пользоваться боевым топором и даже мечом, и нередко ходил в викингские походы¹²³. На службу к конунгу поступали прежде всего сыновья бондов – военная деятельность в молодости считалась едва ли не обязательной для каждого свободного, не говоря уже о знати. При этом скандинавские дружинники в значительной своей части не полностью отрывались от исконной среды. Родственные связи не прерывались, и многие, если не большинство, проведя несколько лет в военных походах (на службе у конунга или в викинге), возвращались в родовую усадьбу, чтобы продолжить ведение хозяйства. Разумеется, были и «профессиональные» дружинники, как и «профессиональные» викинги, которые до самой смерти (обычно достаточно ранней) не оставляли военной деятельности. Но таких, насколько можно судить по рассказам королевских и родовых саг, было не так много. Поэтому пропасти между производящей и военно-торговой экономиками не существовало.

¹²³ Так, согласно «Саге об Олаве Святом» в «Круге Земном», Олав в возрасте 12 лет получил от отчима полностью оснащенный корабль, набрал команду и отправился в викинг в Восточную Прибалтику (КЗ. С. 168).

На Руси же второй половины IX – первой половины X в. формируется новая военная элита скандинавского происхождения. Она не имела корней в славянской среде. Скандинавские вожди приходили со своими дружинами по преимуществу с целью торговли и в большинстве своем возвращались обратно. Те же из них, кто оседал в Восточной Европе, как Рюрик, Олег, Игорь, далеко не сразу интегрировались в славянской среде. В начале X в., судя по именованию русско-византийских договоров, киевская элита сохраняет исконную этничность – имена всех послов Олега принадлежат скандинавам. Видимо, элита в это время еще в значительной степени изолирована, контакты со славянским миром военизированы и ограничиваются подчинением славянских политий и сбором с них дани. Однако в ходе этих, пусть и ограниченных контактов (а также, вероятно, браков со славянками) постепенно усиливается взаимодействие с местной средой, о чем говорит и появление славянских имен в княжеском именовании в середине X в., и двуязычие росов, отмечаемое Константином VII Багрянородным.

Иностранность элиты в начальный период образования Древнерусского государства определяла и другую особенность ее экономики – отсутствие собственных земельных владений. Усадьбы конунгов-Инглингов до начала XI в. были наследственными одалями, принадлежавшими их роду и разбросанными по стране. Таких владений в Восточной Европе у них, естественно, не было. Восточные писатели, опираясь на источники последней четверти IX в., прямо указывают, что «нет у них [росов] ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен»¹²⁴. Установление контроля над межконтинентальной торговлей и торговыми путями, проходившими по Восточноевропейской равнине требовало не приобретения земельных владений, а закрепления в уже существовавших поселениях на этих путях или создания таких поселений. Так же и первоначальное подчинение славянских политий выражалось прежде всего в обложении их данью, а отнюдь не в овладении обрабатываемой землей для ведения собственного хозяйства¹²⁵.

¹²⁴ Ибн Русте: Хрестоматия. С. 48.

¹²⁵ Впрочем, установление собственности на землю не считается ныне необходимой предпосылкой образования государства. См.: *Bondarenko D.M., Korotaev A.V. Early State in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science. 2003. Vol. 37/1. P. 104–131.*

Военно-торговые формы приобретения экономических ресурсов обусловили как незаинтересованность элиты в земельных владениях, так и отмечаемую большинством исследователей концентрацию скандинавских древностей в торгово-ремесленных центрах VIII–IX вв., а затем в возникающих, также на торговых путях, городах, а, следовательно, и тяготение скандинавов к ним. Высказанное И. Янссоном (вслед за Т. Арне и Х. Арбманом) предположение о массовой земледельческой колонизации скандинавов в Восточной Европе в значительной степени спекулятивно¹²⁶: крайне немногочисленный археологический материал (находки скандинавских древностей на сельских поселениях) не дает оснований для столь далеко идущих выводов¹²⁷. Разумеется, переселение в Восточную Европу отдельных семей или небольших коллективов, ориентированных на занятие земледелием, исключать нельзя; напротив, почти наверняка такие коллективы были. Их присутствие наиболее вероятно в Юго-Восточном Приладожье, где на сельских поселениях вдоль рек Оять, Сясь и Паша в IX в. распространяется курганный обряд погребения, причем наиболее ранние курганы имеют характерные признаки скандинавских захоронений: погребения в ладье, железные гривны с молоточками Тора, воткнутые в землю наконечники копий, наборы женских украшений с овальными фибулами и др.¹²⁸. Однако даже для этого региона его исследователь О.И. Богуславский, считая возможным постоянное проживание здесь какого-то количества скандинавов, полагает, что имеющихся данных недостаточно для вывода о массовой колонизации скандинавами этого региона¹²⁹.

¹²⁶ *Jansson I. Warfare, Trade or Colonization? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Vikings in Russia and Sweden / Ed. P. Hansson. Örebro, 1997. Не случайно статья И. Янссона, обычно крайне осторожного в своих исторических выводах, пестрит фразой «I believe», часто заменяющей аргументацию. См. также: Пушкина Т.А., Енисова Н.В., Мурашова В.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. С. 273; Androushchuk F. Vikings and Farmers: Some Remarks on the Social Interpretation of Swords and Long-Distant Contacts during the Viking Age // The Martial Society: Aspects of Warriors, Fortifications and Social Change in Scandinavia / Ed. L. Holmquist-Olsen, M. Olausson. Stockholm, 2009. P. 93–104.*

¹²⁷ Подробный критический анализ археологического материала см.: Фетисов А.А. К дискуссии о типе колонизации скандинавами территорий Восточной Европы // Русский сборник. Брянск, 2016. № 8/2. С. 179–182.

¹²⁸ *Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973; Boguslavskij O.I. The Region South of Lake Ladoga. P. 297–308.*

¹²⁹ *Boguslavskij O.I. The Region South of Lake Ladoga. P. 304, note 37.*

Представляется, что против сколько-нибудь масштабной земледельческой колонизации говорит не только недостаточность археологических материалов, но также и исторический контекст деятельности скандинавов в Восточной Европе, обусловленный их экономическими интересами. Приоритет военно-торговой экономики, обеспечивавшей скандинавов как прожиточными материальными ресурсами (дани), так и сверхдоходами (торговля, война), делала непродуктивным занятие сельским хозяйством в неблагоприятных климатических и топографических условиях Северо-Запада будущего Древнерусского государства.

Сходная картина расселения скандинавов прослеживается в Ирландии¹³⁰, первое засвидетельствованное нападение на которую (на о. Ламбей на восточном побережье) датируется 795 г. На протяжении IX – начала X в. скандинавы в Ирландии, где в то время города отсутствовали, основали Дублин, Лимерик, Корк, Уотерфорд и др. в качестве военных баз и портовых торгово-ремесленных поселений. Хотя на протяжении большей части IX в. и до битвы при Клонтарфе в 1014 г., власть в прибрежных областях Ирландии, а временами и в крупных политиях (Ольстере, Манстере) принадлежала скандинавам, следов сколько-нибудь ощутимой сельской колонизации не обнаружено – в противоположность Англии, где масштабное расселение скандинавов привело не только к образованию области Датского права и королевства Нортумбрия, но и серьезным изменениям в социально-политическом устройстве, культуре и языке Англо-Саксонской Англии¹³¹. Возможно, явная незаинтересованность викингов в заселении сельской Ирландии с плодородными почвами и благоприятным климатом была обусловлена хозяйственными традициями норвежцев, которые, в отличие от данов и свеев, занимались в основном овцеводством, а не земледелием. Их привлекали, напротив, пустынные и малопригодные для земледелия острова севера Атлантики: Шетландские, Оркнейские, Исландия. Центральная же Англия была заселена по преимуществу данами с совершенно иными навыками хозяйствования. Однако, и в Нормандии, где власть с 911 г. принадлежала скандинавам, в значи-

¹³⁰ Ó Corráin D. The Vikings in Scotland and Ireland in the Ninth Century // *Peritia*. 1998. Vol. 12. P. 296–339; Valante M.A. The Vikings in Ireland: Settlement, Trade, and Urbanisation. Dublin, 2008.

¹³¹ См. из последних обобщающих работ: Hadley D.M. The Vikings in England: Settlement, Society and Culture. Manchester, 2006.

тельной части выходцам из Дании, сельское расселение почти не прослеживается – скандинавская элита сосредоточилась в городских центрах, в первую очередь в Руане. Повсеместно на Западе, кроме Англии, скандинавы обнаруживают тяготение к центрам с торгово-ремесленными функциями, городам и протогородам, а там, где их не было, как в Ирландии, основывают их.

* * *

Таким образом, экономика древнерусской элиты IX–X вв. жила отнюдь не на владении землей и производящем хозяйстве. Война и торговля обогащали элиту в достаточной мере, чтобы обеспечить не только воспроизводство ресурсов (прежде всего, воинов, вооружения, кораблей, а также товаров, пользующих спросом на арабском и византийском рынках), но и концентрировать богатства, необходимые для укрепления и распространения своей власти и создания эффективной системы управления покоренными землями.

Сосредоточение богатств в руках древнерусской элиты, причем богатств по преимуществу в форме предметов роскоши и монетного серебра, не было результатом производящей экономики и лишь в малой степени зависело от нее – в отличие от Скандинавии, где производящая экономика обеспечивала повседневные потребности, а военно-торговая – сверхдоходы. Так же и перераспределение полученных ценностей не затрагивало население Руси, находившееся в сфере производящей экономики: оно проходило внутри самой элиты и, возможно, знати славянских объединений, подчинившихся Киеву – в отличие от Скандинавии, где в эпоху викингов в военную деятельность было вовлечено практически все свободное население, а к концу эпохи викингов значительная его часть принимала участие и в торговле. И в Скандинавии, и на Руси на раннем этапе образования государств сосуществовали две самостоятельные экономические системы с принципиально различными способами получения доходов, размерами этих доходов, экономическими механизмами и организацией экономической деятельности. Однако если в Скандинавии военно-торговая экономика смыкалась с производящей и дополняла ее, то на Руси независимость этих экономических систем усугублялась принадлежностью элиты к иной этнической среде и иным культурным традициям. Взаимодействие между ними были крайне слабо и выражалось по преимуществу в даяниях, выплачи-

ваемых «славиниями» правящей элите. Лишь с течением времени обе экономические системы постепенно сблизились, обретая все больше новых точек соприкосновения, пока они не слились в единую экономику Древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271–290.
- Блок М.* Феодалное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой, Е.М. Лысенко. М., 2003.
- Бондарь А.Н.* Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX–X в. // ДГВЕ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 300–327.
- Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 109–129.
- Гомзин А.А.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв. // Русь в IX–X вв. С. 390–393.
- Горский А.А.* Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.
- Горский А.А.* К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // ВЕДС-ХIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 51–53.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949.
- Григорьев А.В.* Население междуречья Днепра и Дона // ДГВЕ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. М., 2012. С. 94–127.
- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Гуревич А.Я.* Древненорвежская вейцла // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 3. С. 146–160.
- Гуревич А.Я.* Пир // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 359–360.
- Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 63–82.
- Гуревич А.Я.* Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1956. Вып. II. С. 8–37.
- Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М, 1994.
- Довженко В.И.* Землеробство древньої Русі. Київ. 1961.

- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III. Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- Житие св. Ангария / Пер. В.В. Рыбакова // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. II.
- Звіздецький Б.А. Городища 9–13 ст. на території древлян. Київ, 2008.
- Зорин А.В. Русы и северяне: из истории военного противостояния // Профессиональная археологическая работа по холодному оружию Днепрового Левобережья X–XI вв. // Портал X. Legio: <http://xlegio.ru/ancient-armies/armament/ruses-northerners-military-confrontation> (доступ 2.09.2012).
- Кирьянова Н.А. О составе земледельческих культур Древней Руси X–XV вв. // СА. 1979. № 4. С. 72–85.
- Клиге Р.К., Воронов А.М., Селиванов А.О. Формирование и многолетние изменения водного режима Восточно-Европейской равнины. М., 1993.
- Коваленко В.П. Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на Днепровском Левобережье // ВЕДС-XXII: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 114–119.
- Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. М.; Иерусалим, 2005. С. 207–218.
- Конечный В.Я. К истории формирования низовых государственных структур Новгородской земли: погосты X в. на р. Мсте // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. III. С. 80–83.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989 (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Крадин Н.Н. Политическая антропология. 2-е изд. М., 2010.
- Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
- Кулешов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X вв. С. 387–389.
- Левашова В.П. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. 1956. Вып. 32.
- Мельникова Е.А. Две экономики периода образования древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 51–68.
- Мельникова Е.А. От дара к покупке: Гуннар Хамундарсон между двух экономических систем // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 193–198.

- Мельникова Е.А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // ДГВЕ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. Постановка проблемы // ДГВЕ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–32).
- Мельникова Е.А.* К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы истории. Тез. докл. Чтений памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41.
- Мельникова Е.А.* Росы и их пактиоты в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного // «По любви, въ правдѣ, безо всакие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина М., 2014. С. 75–88.
- Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996 («Очерк о даре», «Essai sur le don», впервые опубликован в 1923).
- Назаренко А.В.* Южнонемецкие земли в европейских связях IX–X вв. // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 121–136.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГВЕ. М., 1991. С. 5–80.
- Нефедов В.С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // ДГВЕ, 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 270–299.
- Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдьё) // ДГВЕ, 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 400–404.
- Носов Е.Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59–78.
- Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 157–170.
- Носов Е.Н., Леонтьев А.Е.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X вв. С. 382–401.
- Перхавко В.Б.* История русского купечества. М., 2008.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв.: От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 269–276.
- Петрухин В.Я.* Сказание о хазарской дани в контексте летописной истории // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 43–52.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

- Платонова Н.И.* Древнерусские погосты – новая старая проблема // ДГВЕ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 328–388.
- Полюдь: всемирно-историческое явление / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2009.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / [Пер. и коммент. А.П. Ковалевского]. Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Пушкина Т.А., Енисосова Н.В., Мурашева В.В.* Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. С. 242–273.
- Русь IX–X вв. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда, 2012.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М., 1980.
- Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.
- Сага о гутах / Пер. С.Д. Ковалевского // Средние века. 1975. Т. 38. С. 307–311.
- Свердлов М.Б.* История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Сельская Русь в IX–XVI веках. От новых методов изучения к новому пониманию. М., 2008.
- Семенов Ю.И.* Экономическая антропология // Восток. 2004. Вып. 9 (21). С. 61–85.
- Слободин В.М.* К вопросу о развитии и смене систем земледелия // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Т. I.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, 1995.
- Стефанович П.С.* Бояре. Отроки. Дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012.
- Стефанович П.С.* Древлянская дань киевским князьям // «По любви, въ правдѣ, безо всакие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 19–74.
- Стефанович П.С.* Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. СПб., 2010. Вып. 12 (22). С. 5–35.
- Стефанович П.С.* О дани в «трибутарном» государстве Руси в X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 260–267.
- Фетисов А.А.* К дискуссии о типе колонизации скандинавами территорий Восточной Европы // Русский сборник. Брянск, 2016. № 8/2. С. 179–182.
- Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996.

- Чернецов А.В.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи // Вестник МГУ. Сер. истор. 1972. Вып. 2.
- Чернецов А.В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. 1972. № 3. С. 135–148.
- Щавелев А.С.* История и археология полудья: заметки на полях обобщающей монографии «Полудье: всемирно-историческое явление / Под ред. Ю.М. Кобицанова. М., «Российская политическая энциклопедия», 2009. 791 с.» // Материалы по истории и археологии России. СПб., 2012. Т. 2. С. 278–287.
- Щавелев А.С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX в. // Книга картины Земли. Сб. ст. в честь И.Г. Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон, А.В. Подосинова. М., 2014. С. 323–330.
- Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 7–53.
- Щапов Я.Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI – первой половины XII в. // Актуальные вопросы истории России эпохи феодализма / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1970. С. 85–119.
- Щеглова О.А.* Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 42–50.
- Юренко С.П.* Производственный и бытовой инвентарь. Оружие. Украшения // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 301–302.
- Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Новгород Великий, 2001.
- Янссон И.* Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторія і археологія Полацка і Полацкай зямлі: Мат-лы V Міжнар. навук. канф. Полацк, 2009. С. 208–232.
- Andersen H.H.* Danevirke og Kovirke. Arkæologiske undersøgelser 1861–1993. Højbjerg, 1998.
- Androushchuk F.* Vikings and Farmers: Some Remarks on the Social Interpretation of Swords and Long-Distant Contacts during the Viking Age // The Martial Society. P. 93–104.
- Bakka E.* Scandinavian Trade with the Continent and the British Isles in Pre-Viking Times // Antikvariskt arkiv. 1971. B. 40. S. 37–51.
- Boguslavskij O.I.* The Region South of Lake Ladoga during the Viking Age (8th – 11th Centuries AD) // Vers l’Orient et vers l’Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / Dir. P. Bauduin, A. Musin. Caen, 2014. P. 297–308.
- En bok om husbyar / Red. M. Olausson. Stockholm, 2000.
- Bondarenko D.M., Korotaev A.V.* Early State in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen’s Database // Cross-Cultural

- Research. The Journal of Comparative Social Science. 2003. Vol. 37/1. P. 104–131.
- Brink St.* Nordens husabyar – unga eller gamla? // En bok om husbyar / Red. M. Olausson. Stockholm, 2000. S. 65–73.
- Brunstedt S.* Alnu kungsgård. Forskningsprojekt Hovgården. Stockholm, 1996.
- Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169, № 21. P. 733–738.
- Centrala platser, centrala frågor: Samhällsstrukturen under järnåldern: en vänbok till Berta Stjernquist / Red. L. Larsson, B. Hårdh. Stockholm, 1998.
- Cheal D.J.* The Gift Economy. N.Y., 1988.
- Christiansen E.* The Norsemen in the Viking Age. Oxford, 2002.
- Claessen H.J.M., van de Velde P.* Introduction // Early State Economics / Ed. H.J.M. Claessen & P. van de Velde. New Brunswick; London, 1991. P. 2–4.
- Coupland S.* The Frankish Tribute Payments to the Vikings and their Consequences // Francia. 1999. Vol. 26/1. P. 57–75.
- Dalton G.* Economic Theory and Primitive Society // American Anthropologist. 1961. Vol. 63. P. 1–25.
- Den svenska jordbrukets historia / Red. J. Myrdal. Borås, 1998. B. I: Jordbrukets första femtusen år.
- Dietler M.* Driven by Drink. The Role of Drinking in the Political Economy and the Case of Early Iron Age France // Journal of Anthropological Archaeology. 1990. Vol. 9. P. 352–406.
- Duby G.* The Early Growth of European Economy: Warriors and Peasants from the Seventh to the Twelfth Centuries. L., 1974.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997.
- The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Scalnik. Hague, 1978.
- Early State Economics / Ed. H.J.M. Claessen & P. van de Velde. New Brunswick and London, 1991.
- Fallgren J.-H.* Farm and Village in the Viking Age // The Viking World. P. 67–76.
- Finnur Jónsson.* Den norsk-islandske skjaldedigtning. København, 1912 (1973). B. BI.
- Godelier M.* L'Idéal et le matériel: pensée, économies, sociétés. Fayard, 1989.
- Grane Th.* Roman Imports in Scandinavia: Purpose and Meaning? / Rome Beyond Its Frontiers: Imports, Attitudes, and Practices. Portsmouth, Rhode Island, 2013. P. 29–44.
- Gurevich A.Y.* Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // Scandinavica. 1968. Vol. 7/1. P. 126–138.
- Hadley D.M.* The Vikings in England: Settlement, Society and Culture. Manchester, 2006.
- Hansen U.* Beyond the Roman Frontier // The Birth of Europe: Archaeology and Social Development in the First Millennium A.D. / Ed. K. Randsborg. Rome, 1989.

- Hårdt B.* Trade and Money in Scandinavia in the Viking Age // Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum, 1977–1978. Lund, 1978. P. 157–171.
- Hedeager L.* Warrior Economy and Trading Economy in Viking-Age Scandinavia // Journal of Economic Anthropology. 1994. Vol. 2/1. P. 130–148.
- Hedeager L., Tværnø H.* Romerne og Germanerne. København, 1991, 2000. B. 1–2.
- Hedenstierna-Jonson Ch.* The Birka Warrior: The Material Culture of a Martial Society. Stockholm, 2006.
- Hertzberg, E.* Len og veizla i Norges sagatid // Germanistische Abhandlungen zum LXX. Geburtstag Konrad von Maurers. Göttingen, 1893. S. 285–331.
- Hodges R.* Dark Age Economics. The Origins of Towns and Trade AD 600–1000. L., 1982.
- Holmsen A. et al.* The Old Norwegian Peasant Community // Scandinavian Economic History Review. 1956. Vol. 4. P. 17–81.
- Hvass S.* Jernalderens bebyggelse // Fra stamme til stat i Danmark. Højbjerg, 1988. Vol. 1: Jernalderens stammesamfund / Ed. P. Mortensen and B.M. Rasmussen.
- Hvass S.* Vorbasse, the Viking Age Settlement at Vorbasse, Central Jutland // Acta archaeologica. 1980. T. 50. P. 137–172.
- Illerup Ådal* / Red. J. Ilkjær et al. Aarhus, 1990–2011. B. 1–14.
- Jansson I.* Warfare, Trade or Colonization? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Vikings in Russia and Sweden / Ed. P. Hansson. Örebro, 1997. P. 9–64.
- Jensen J.* I begyndelsen (Gyldendal og Politikens Danmarks Historie). København, 2002. Vol. 1.
- Jones G.* A History of the Vikings. 2nd ed. 1984. P. 182–203.
- Jørgensen L.B.* From Tribute to the Estate System, 3rd – 12th Century // Kingdoms and Regionality. Stockholm, 2001. P. 73–82.
- Jørgensen L.B.* Kongsgård – kultsted – marked. Overvejelser omkring Tissøkompleksets struktur og function // Plats och praxis. Studier av nordisk förkristen ritual / Red. K. Jennbert, A. Andrén, C. Raudvere. Lund, 2002. S. 217–249.
- Jørgensen L.B.* The «Warriors, Soldiers and Conscripts» of the Anthropology in the Late Roman and Migration Period Archaeology // Military Aspects of the Aristocracy in Barbaricum in the Roman and Early Migration Periods: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 10–11 December 1999 / Ed. B. Storgaard. Copenhagen, 2001. P. 9–19.
- Jørgensen L.B.* Rural Economy: Ecology, Hunting, Pastoralism, Agriculture and Nutritional Aspects // The Scandinavians. From the Vendel Period to the Tenth Century / Ed. J. Jesch. San Marino, 2002. P. 129–144.
- Kipp R.S., Schortman E.M.* The Political Impact of Trade in Chiefdoms // American Anthropologist. 1989. Vol. 91. № 2. P. 370–385.

- Kristiansen Kr., Larsson Th.B.* The Rise of Bronze Age Society – Travels, Transmissions and Transformations. N.Y., 2005.
- Kruse S.E.* Trade and Exchange Across Frontiers // *Silver Economy*. P. 166–167.
- Langekiehl A.S.* De administrative *Húsar*-gårdenes opprinnelse og kronologi // *Collegium medievale*. 2003. Vol. 16. S. 67–134.
- Ljungkvist J., Frölund P.* Gamla Uppsala – the Emergence of a Centre and a Magnate Complex // *Journal of Archaeology and Ancient History*. 2015. № 16. P. 3–29.
- Lund N.* Lid, leding og landværn: Hær og samfund i Danmark i ældre middelalder. Roskilde, 1996.
- MacCormack C.P.* Exchange and Hierarch // *Economic Archaeology. Towards an Integration of Ecological and Social Approaches* / Ed. A. Sheridan, G. Bailey. Oxford, 1981 (BAR International Series, 96). P. 159–166.
- Malinowski B.* Primitive Economics of Trobriand Islanders // *Economic Journal*. 1921. Vol. 31. № 1. P. 1–16.
- The Martial Society: Aspects of Warriors, Fortifications and Social Change in Scandinavia / Ed. L. Holmquist-Olsen, M. Olausson. Stockholm, 2009.
- Marvin P.M.* Subsistence Agriculture: Analytical Problems and Alternative Concepts // *American Journal of Agricultural Economics*. 1968. May. P. 292–310.
- McCormick M.* Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. N.Y., 2001.
- Miller W.I.* Gift, Sale, Payment, Raid: Case Studies in the Negotiation and Classification of Exchange in Medieval England // *Speculum*. 1986. Vol. 61. P. 18–50.
- Noonan T.S.* Why the Vikings First Came to Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. N. F. Bd. 34, H. 3. P. 321–348.
- Ó Corráin D.* The Vikings in Scotland and Ireland in the Ninth Century // *Peritia*. 1998. Vol. 12. P. 296–339.
- Palsson V.* Power and Political Communication: Feasting and Gift Giving in Medieval Iceland. DPh dissertation. Berkeley, 2010. P. 45–92.
- Polanyi K.* The Great Transformation. Boston, 1944.
- Polanyi K.* Primitive, Archaic, and Modern Economies / Ed. by G. Dalton. N.Y., 1968.
- Randsborg K.* Befolkning og social variation i ældre bronzealders Danmark // *Kuml*. Aarhus, 1973–1974. S. 197–208.
- Reuter T.* Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th ser. 1985. Vol. 35. P. 75–94.
- Sawyer P.* The Causes of the Viking Age // *The Vikings* / Ed. R.T. Farrell. Chichester, 1982. P. 1–7.
- Silver Economy in the Viking Age* / Ed. J. Graham-Campbell, G. Williams. Walnut Creek, CA, 2007.

- Simek R.* Die Schiffe der Wikinger. Stuttgart, 2014.
- Skre D.* Towns and Markets, Kings' and Central Places in Southwest Scandinavia ca 800–950 AD // Kaupang in Skiringssal. Excavation and Surveys at Kaupang and Huseby, 1998–2003: Background and Results / Ed. D. Skre. Oslo, 2007.
- The Spoils of Victory: The North in the Shadow of the Roman Empire / Ed. L. Jørgensen, B. Storgaard, L. Gebauer Thomsen. Copenhagen, 2003.
- Steinnes A.* Husebyar. Oslo, 1955.
- Trade and Exchange in Prehistory: Studies in Honour of Berta Stjernquist / Ed. B. Hårdh, L. Larsson, D. Olausson, R. Petre. Lund, 1988.
- Uppåkra: centrum och sammanhang / Red. B. Hårdh. Lund, 2001.
- Valante M.A.* The Vikings in Ireland: Settlement, Trade, and Urbanisation. Dublin, 2008.
- The Viking World / Ed. St. Brink, N. Price. Abingdon, 2008.
- Viklund K.* Cereals, Weeds and Crop Processing in Iron Age Sweden. Methodological and Interpretative Aspects of Archaeobotanical Evidence. Umeå, 1998.
- Vita Ansgarii auctore Rimberto / Hrsg. G. Waitz // MGH SS. Hannover, 1884 (Repr. 1988). T. 55.
- Webb M.* The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.
- Wickham Ch.* Rethinking the Structure of the Early Medieval Economy // The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Early Medieval Studies / Ed. J.R. Davis, M. McCormick. Aldershot, 2008. P. 19–31.
- Zori D., Byock J., Egill Erlendsson, Martin S.* Feasting in Viking Age Iceland: Sustaining a Chiefly Political Economy in a Marginal Environment // Antiquity. 2013. Vol. 87. Issue 335. P. 150–165.

Melnikova E.A.

ECONOMIC SYSTEMS OF THE EMERGING STATES:
ANCIENT RUS' AND SCANDINAVIAN COUNTRIES

In the period of the transformation of complex chiefdoms into early states in East-Slavic and Scandinavian societies the subsistence economy could not provide enough surplus for intensification of the processes of state-formation. The cardinal economic factors that stimulated social and political development of the societies were military activity and long-distance trade. These factors played different roles in different regions and periods of the transition to early states (thus, for Scandinavia the long-distance trade had paramount significance in the Bronze Age and Early Iron Age when it started to give way to predatory

raids). Both military activity and long-distance trade were prerogatives of the elite and thus the profits were redistributed only within the upper stratum of the society not reaching or reaching in a very small degree the ordinary population. It was an elite economy *per se*. Its connection with the subsistence economy was realized first, due to the hereditary land possessions of the nobles (in Scandinavia) and, second, through the system of tributes collected to meet the demands for everyday needs of the elite (both in Scandinavia and Rus'). Scandinavian ruling elite was initially related to the local population, and the professional warrior stratum was constantly replenished with the members of families of wealthy land-owners. Both factors produced possibilities for mutual permeability of the two economic systems. In Rus' the new elite of Scandinavian origin was isolated from the local population, had no age-old possessions of land and its economic provision fully depended on the degree of control of trade routes and local inhabitants, size of the territory (and population) under its control, success of predatory raids, which implied intensity and large scale of military activity. In the course of the second half of the tenth through eleventh century both economic systems were drawing closer: the means of subsistence of elites in Rus' and Denmark (already in the beginning of the eleventh century), as well as in Norway and Sweden (by the twelfth century) started to be secured mostly by inner resources through the emerging system of taxes and fiscal authority. The merging of the two economies was one of the symptoms of the appearance of an early state.

Key words: warrior-and-trade economy, subsistence economy, land ownership, tribute, military expansion, long-distance trade.